

юрист
издательская
группа

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
НАУКИ И ПРАКТИКИ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
И ДОКАЗЫВАНИЕ

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ
ПРОИЗВОДСТВО

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ
(БАНКРОТСТВО)

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

КРУГЛЫЙ СТОЛ

№ 9/2021

ISSN 1812-383X

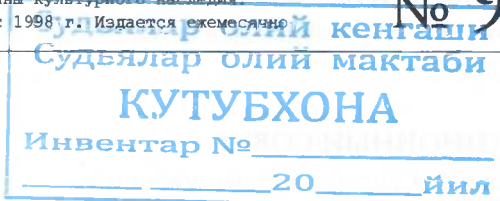
9 771812 383773 >

АРБИТРАЖНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Арбитражный и гражданский процесс

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. ПИ № ФС77-29216 от 23 августа 2007 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно

№ 9/2021

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ

3 Петрунёва А.Н. Место арбитража в механизме судебной защиты прав

6 Артебякина Н.А. Участники гражданского судопроизводства: краткий обзор неразрешенных проблем

9 Яхимович А.В. Проблема обоснования процессуального estoppel в гражданском судопроизводстве

14 Медведев И.Р. Проблемы судебной практики о праве на вид

19 Павлова М.С. Практика применения судами общей юрисдикции норм об оспаривании нормативных правовых актов

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ДОКАЗЫВАНИЕ

24 Мурзин Д.В. Преломление материальных презумпций гражданского права при распределении бремени доказывания в виндикационном процессе

29 Сиразитдинова Ю.Р. Раскрытие доказательств в административном судопроизводстве

33 Дегтярев С.Л., Андреев А.В. Новые вопросы доказывания убытков в условиях цифровизации

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

39 Ярков В.В. Гармонизация в сфере цифрового исполнения: новый проект МССИ

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ (БАНКРОТСТВО)

44 Романов А.А., Хан А.А. Реабилитационные процедуры в несостоятельности (банкротстве) в доктрине и практике

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

48 Русакова Е.П., Ван Вэй. Гражданское судопроизводство с участием иностранных лиц в Китае

КРУГЛЫЙ СТОЛ

52 Демидова Л.С. Сравнительная характеристика видов производств в гражданском, арбитражном, административном процессе, а также при рассмотрении дел об административных правонарушениях

56 Опалев Р.О. К вопросу о единстве и дифференциации процессуальной формы административного судопроизводства

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ярков В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ**ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,****РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕДАКТОР:**

Долганичев В.В., кандидат юридических
наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Арифудин А.А., профессор, заслуженный
юрист РФ;
Витрянский В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Жилин Г.А., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Исайчев В.И., заслуженный юрист РФ;
Носырева Е.И., доктор юридических наук,
профессор;
Осокина Г.Л., доктор юридических наук,
профессор;
Ренов Э.Н., кандидат юридических наук,
профессор;
Сахнова Т.В., доктор юридических наук,
профессор;
Туманова Л.В., доктор юридических наук,
профессор;
Шерстюк В.М., доктор юридических наук,
профессор;
Юков М.К., доктор юридических наук,
профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**ИГ «ЮРИСТ»:**

Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор, чл.-корр. РАО,
заслуженный юрист РФ

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**ИГ «ЮРИСТ»:**

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

И КОРРЕКТУРА: Швечкова О.А., к.ю.н.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

**ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ
ПОДПИСКИ:**

Тел. / факс: (495) 617-18-88

(многоканальный)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Телефон редакции: (495) 953-91-08

**АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА /
РЕДАКЦИИ:**

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26 / 55, стр. 7.

E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ru

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:

Объединенный каталог. Пресса России —
85473;

Почта России. Электронный каталог — П1715.

Подписка на www.lawinfo.ru

Номер подписан в печать: 14.09.2021.

Номер вышел в свет: 23.09.2021.

ISSN 1812-383X

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 170x252. Печать офсетная.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Общий тираж 4000 экз. Цена свободная.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования.

Петрунева**Анна Николаевна,**

научный сотрудник
Волго-Вятского института (филиала)
Московского государственного
юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
a.n.petruneva@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-9-3-5

Место арбитража в механизме судебной защиты прав

Широкое понимание процессуальной формы позволяет определить необходимость целостного понимания механизма защиты прав в рамках реализации альтернативной формы защиты (арбитража). Основой осуществления третейского разбирательства выступает деятельность по частному правоприменению, которая реализуется в процессуальной форме. Внимание акцентируется на применении деятельностного подхода для анализа сущности третейского разбирательства, что позволяет рассмотреть арбитраж в контексте механизма защиты гражданских прав субъектов.

Ключевые слова: механизм судебной защиты, форма защиты, третейское разбирательство.

В рамках теории государства и права, а также отраслевых наук наиболее разработанным является понятие «механизм защиты прав человека». Это обусловлено прежде всего приоритетом прав человека, закрепленным на уровне международных актов. Поскольку именно государство берет на себя обязательства по гарантии закрепленных в нормативных актах прав, то более широкое употребление термина «механизм защиты» встречается применительно к реализации судебной формы защиты. Приоритетным способом реализации механизма защиты прав является рассмотрение и разрешение дел в судебном порядке. Суд в ходе рассмотрения и разрешения дел всегда осуществляет правоприменительную деятельность. Значит, имея в виду механизм судебной защиты, фактически мы говорим об особой форме реализации права.

Несмотря на кажущуюся простоту устройства механизма, в доктрине существует весьма широкий перечень терминов, которыми оперируют как представители науки гражданского права, так и ученые-процессуалисты. Речь идет о содержательном наполнении и соотношении категорий «форма защиты», «судебная форма», «юрисдикционная форма защиты», «гражданская процессуальная форма». Обозначение в рамках настоящей статьи авторской позиции в отношении процессуальной формы арбитража объективно невозможно без разрешения указанного вопроса.

Начнем с анализа соотношения понятий «механизм защиты гражданских прав» и «форма защиты». На наш взгляд, механизм защиты следует всегда рассматривать как некую систему. При этом под системой в общем ее смысле понимается «совокупность элементов произвольной природы, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность»¹. Механизм защиты гражданских

прав возможно определить как систему взаимосвязанных правовых явлений, при последовательной реализации которых посредством правоприменительной деятельности уполномоченных субъектов (органов) достигается общая цель — реальное восстановление нарушенных гражданских прав граждан и организаций.

По вопросу соотношения категорий «механизм защиты гражданских прав» и «форма защиты» согласимся с позицией Т.В. Сахновой о том, что «следует учитывать: в нашей стране формы защиты исторически развивались — наглядно в XX в. — не столько в зависимости от специфики деятельности по защите, сколько в соответствии с развитием системы юрисдикционных органов. Формы защиты в первую очередь соотносились с органом защиты, а не с особенностями деятельности по защите»².

Именно поэтому и чтобы не допустить смешения с процессуальной категорией «гражданская процессуальная форма», определим, что в интересах терминологической точности в дальнейшем будем вести речь не о «судебной форме защиты», а о защите гражданских прав в судебном порядке. Таким образом мы, с одной стороны, снимем противоречие между междисциплинарными различиями в понимании термина «форма защиты», с другой стороны, это позволит не умалять содержательно целостное понятие «гражданская процессуальная форма».

Вместе с тем в науке широко употребляется термин «судебная форма защиты»³, именно

² Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 14.

³ См., в частности: Афанасьев С.Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: общая характеристика и его реализация в российском гражданском судопроизводстве. Саратов, 2009; Громошина Н.А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве. М.: Проспект, 2010. 262 с.; Дегтярев С.Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. М.:

¹ Автор определения: Бергман А.С. Гуманитарная энциклопедия. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7091> (дата обращения: 21.05.2021).

поэтому автор затронет данную проблему исключительно в контексте ответа на вопрос о том, к какой форме относится третейское разбирательство.

Превалирующей в цивилистической науке на сегодняшний день является концепция, в соответствии с которой «защита субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов осуществляется в двух формах: юрисдикционной и неюрисдикционной. Основным критерием для разграничения указанных форм выступает: во-первых, привлечение стороннего органа или субъекта для разрешения спора; во-вторых, вынесение по итогам рассмотрения дела обязательного для сторон решения. При этом далее в рамках юрисдикционной формы отдельным подвидом, при этом играющим «ведущую роль» наряду с другими, выделяют судебную форму защиты⁴. И здесь встает вопрос о том, а включается ли в судебную форму защиты третейское разбирательство. Сторонники узкого понимания категории «судебная защита» исключают арбитраж из судебной формы⁵, сторонники широкого понимания — включают⁶. Безусловно, имеются исследования, которые не поддерживают идею существования указанной классификации и признают арбитраж самостоятельной формой защиты⁷.

Определенную неоднозначность в понимании критерия для отнесения арбитража к одной из форм вносит тот факт, учитывает ли конкретный автор различие категорий «урегулирование спора» и «разрешение спора»,

использует ли при проведении исследования категориальный аппарат, заимствованный из практики США (альтернативные способы разрешения спора)⁸. Как правило, использование категории «альтернативные способы разрешения спора» позволяет в теории отграничить третейское разбирательство от судебной формы защиты и выделить его в рамках юрисдикционной формы⁹.

Сохраняя общую идею, продолжим развивать указанную мысль; с учетом нашей авторской терминологической оговорки, приведенной ранее, перефразируем: можно ли говорить, что третейское разбирательство является правоприменительной деятельностью, осуществляемой в судебном порядке? Полагаем, что вопрос отнесения третейского разбирательства к позиции науки гражданского права и обозначенных выше критериев к юрисдикционной форме защиты сомнений не вызывает. С применением смысла ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) разрешение спора отнесем к судебному порядку. Отметим, что определение места арбитража в данном контексте носит междисциплинарный характер. При этом в судебном порядке правоприменительная деятельность по реализации механизма защиты гражданских прав может осуществляться как государственными органами (правосудие), так и негосударственными (третейский суд).

Принципиального внимания требует терминологическая оговорка, которая связана с неоднозначным употреблением термина «суд» в нормативных актах. Выявление точного смысла категорий, включающих термин «суд», имеет важное значение, поскольку подход к исследованию правовой природы арбитража должен носить комплексный характер, предусматривающий анализ положений теории права, норм конституционного, гражданского материального и процессуального законодательства, а также специального закона о третейском разбирательстве.

Часть 1 статьи 11 ГК РФ предусматривает, что «защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет суд, арбитражный суд или третейский суд (далее — суд) в соответствии с их компетенцией»¹⁰. По смыслу

Волгерс Клувер, 2007. 364 с.; Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М., 2000. 316 с.; Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997. 318 с.; Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М.: Статут, 2011. 494 с.; Мурадян Э.М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов). М., 2003. 126 с.; Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. М.; Екатеринбург, 1999. 302 с.; и др.

⁴ См., в частности: Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учебн. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2006. 668 с.; Гражданский процесс: учебн. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. М.К. Треушников. М., 2007. 783 с.

⁵ См., в частности: Сахнова Т.В. Указ. соч.; Гражданский процесс: учебник.

⁶ См., в частности: Рожкова М.А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М., 2006. 392 с.; Стремоухов А.В. Право человека на защиту и формы его защиты в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. Серия: Право. 2017. № 1 (47). С. 9–19.

⁷ См., в частности: Болгова В.М. Формы защиты субъективного права: теоретические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 38 с.; Каниюкаева А.Р. Система процессуальных форм защиты в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.

⁸ Термин «альтернативное разрешение споров» является переводом термина *Alternative Dispute Resolution* (официальная аббревиатура — ADR), используемого в теории права и в законодательстве США.

⁹ Базилевич А.И. Формы защиты субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. 29 с.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

указанной нормы в совокупности с содержанием конституционного права на судебную защиту можно заключить, что при выборе сторонами негосударственной формы защиты прав (арбитража) реализуется конституционное право на судебную защиту.

В силу части 3 статьи 1 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹¹ в арбитраж по соглашению сторон могут передаваться споры между сторонами гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Иными словами, конституционное право на судебную защиту реализуется через призму нормы ст. 11 ГК РФ посредством заключения соглашения о передаче спора на разрешение третейского суда и имеет частноправовую природу. То есть стороны реализуют право на защиту посредством образованного ими суда.

¹¹ Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, деятельность третейского суда при рассмотрении и разрешении спора между сторонами с позиции теории права следует относить к правоприменительной деятельности в смысле широкого понимания правоприменения¹². Деятельность третейского суда не является правосудием как формой государственного правоприменения, но выступает правоприменительной деятельностью, осуществляемой частным субъектом.

Если рассматривать механизм защиты как совокупность «деятельностных» этапов, то очевидны общие элементы: деятельность уполномоченного органа (субъекта) по рассмотрению и разрешению дела, вынесение итогового акта и его исполнение.

¹² В рамках широкого толкования ключевым в понимании правоприменения является его содержание, а не орган реализации. В узком смысле правоприменение понимается как способ реализации права, который связан с властными действиями юрисдикционных органов и должностных лиц, выступающих от имени государства, выполняя возложенные на них специальные функции и полномочия (государственная деятельность).

Литература

1. Афанасьев С.Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: общая характеристика и его реализация в российском гражданском судопроизводстве : монография / С.Ф. Афанасьев. Саратов, 2009.
2. Базилевич А.И. Формы защиты субъективных гражданских прав : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.И. Базилевич. Ульяновск, 2001. 29 с.
3. Болгова В.М. Формы защиты субъективного права: теоретические проблемы : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.М. Болгова. Самара, 2000. 38 с.
4. Гражданский процесс : учебник / под редакцией М.К. Треушников. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Городец, 2007. 783 с.
5. Гражданское право. В 4 томах. Т. 1. Общая часть : учебник / ответственный редактор Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2006. 668 с.
6. Громошина Н.А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве : монография / Н.А. Громошина. Москва : Проспект, 2010. 262 с.
7. Дегтярев С.Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы / С.Л. Дегтярев. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 364 с.
8. Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции / Г.А. Жилин. Москва : Городец, 2000. 316 с.
9. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц / В.М. Жуйков. Москва : Городец, 1997. 318 с.
10. Канюкаева А.Р. Система процессуальных форм защиты в российском праве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Р. Канюкаева. Саратов, 2010. 23 с.
11. Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России / Д.Я. Малешин. Москва : Статут, 2011. 494 с.
12. Мурадян Э.М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов) / Э.М. Мурадян. Москва : Проспект, 2003. 126 с.
13. Решетникова И.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России / И.В. Решетникова, В.В. Ярков. Москва ; Екатеринбург : Норма, 1999. 302 с.
14. Рожкова М.А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора / М.А. Рожкова. Москва : Волтерс Клувер, 2006. 392 с.
15. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2014. 783 с.
16. Стремоухов А.В. Право человека на защиту и формы его защиты в Российской Федерации / А.В. Стремоухов // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1 (47). С. 9–20.

Артебякина**Наталья Александровна,**доцент кафедры права, психологии
и педагогикиУльяновского государственного
аграрного университета

имени П.А. Столыпина,

кандидат юридических наук, доцент

bna_81@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-9-6-8

Участники гражданского судопроизводства: краткий обзор неразрешенных проблем

В настоящей статье затрагиваются отдельные вопросы, касающиеся изменения норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, связанных с институтом лиц, участвующих в деле, участников гражданского судопроизводства, федеральными законами от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Акцентируется внимание на некоторых проблемных моментах, оставшихся за пределами правового поля: отсутствует законодательно определенная классификация участников гражданского судопроизводства; до настоящего времени легально не раскрывается содержание основных понятий одного из ключевых институтов гражданского процессуального права — лиц, участвующих в деле; не является безупречным состав лиц, участвующих в деле; введено новое понятие — участник судебного разбирательства — без раскрытия его содержания. Последовательность и системность — свойства, которые остались нереализованными при проведении «процессуальной революции».

Ключевые слова: лица, участвующие в деле, участники гражданского судопроизводства, участники процесса, участник судебного разбирательства, «процессуальная революция».

«Процессуальная революция» свершилась. Изменения, введенные Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее — Федеральный закон № 451-ФЗ), вступили в силу и действуют. Определенные нововведения следует признать прогрессивными, долгожданнами, какие-то вызывают недоумение и сожаление.

В частности, отношение законодателя к обновлению норм об участниках гражданского судопроизводства можно охарактеризовать фразой «изменения могли бы быть лучше»². Федеральный закон № 451-ФЗ, привнесший глобальные изменения в гражданское процессуальное законодательство в целом, оставил без внимания проблемы, сопряженные с правовым регулированием вопросов в этой области.

Как и ранее, из всего числа участников гражданского судопроизводства обособлены лишь лица, участвующие в деле. Круг лиц, участвующих в деле, определенный ст. 34 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее — ГПК РФ), оказался прежним.

К сожалению, законодатель по-прежнему с очевидностью не указывает на то, по какому критерию он относит того или иного участника гражданского судопроизводства к лицам, участвующим в деле. Лишь в части 1 ст. 3 ГПК РФ дается намек на необходимость наличия заинтересованности в исходе дела при обращении за судебной защитой прав, свобод и законных интересов. Тем не менее все лица, участвующие в деле, объединяются по признаку имеющейся юридической заинтересованности в исходе дела⁴.

¹ Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2018. 4 декабря.

² Тай Ю.В., Смола А.А. «Суд скорый, правый милостивый»: полтора века в поисках *aurea mediocritas* // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 1. С. 348.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. 2002. 20 ноября.

⁴ Виду М.А. Проблема правового регулирования процессуального положения и деятельности сторон в советском гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1971. С. 9.

Однако в очередной раз следует обратить внимание на то, что интерес прокурора, а также лиц, обращающихся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающих в процесс в целях дачи заключения, по своему характеру отличается от заинтересованности сторон, обоих видов третьих лиц (как заявляющих, так и не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора), заявителей и заинтересованных лиц по делам особого производства. Именно поэтому было бы логичнее выделять группу лиц, имеющих субъективную заинтересованность в деле и не имеющих субъективной заинтересованности в деле, но заинтересованных в судопроизводстве⁵.

Большое сожаление вызывает тот факт, что по-прежнему не разрешен вопрос о форме заключения прокурора по гражданским делам. Стоит согласиться с тем, что на практике, скорее, идет речь не о заключении прокурора по делу, а о его мнении, которое формулируется в лаконичных фразах «иск подлежит удовлетворению» или «иск не подлежит удовлетворению»⁶.

Как и прежде, остается неясным, по какой причине среди лиц, участвующих в деле, закон не называет должника и взыскателя по делам приказного производства, в то время как они обладают всеми признаками лица, участвующего в деле. Сложно поспорить с тем, что у обоих имеется юридическая заинтересованность в исходе дела. Более того, характер их заинтересованности нельзя не признать личным (разновидность материальной заинтересованности, которая вытекает из норм гражданского в широком смысле слова права, материального по своей природе). И должник, и взыскатель обладают также и процессуальным интересом к исходу дела.

Неизменной осталась ситуация с определением содержания таких ключевых понятий, как «лицо, участвующее в деле», «стороны», «истец», «ответчик», «третьи лица» обоих видов, «юридическая заинтересованность» и др.: они по-прежнему не раскрываются. Вопрос четкого законодательного определения содержания понятий, полагаем, является принципиальным, поскольку помогает сокращать и предотвращать ошибки, неточности, допускаемые в практической деятельности.

Нередко на практике в судебных заседаниях судьи, обращаясь к сторонам и их представителям, именуют всех «лица, участвующие в деле», что в корне противоречит действующему гражданско-процессуальному законодательству. Кроме того, суды общей юрисдикции в письменной форме сообщают представителям сторон, участвующих при рассмотрении дела в суде первой инстанции, о подаче апелляционной жалобы на решение суда первой инстанции, о направлении для рассмотрения в суде апелляционной инстанции гражданского дела и поступлении дела в суд апелляционной инстанции. Между тем ч. 2 ст. 325 ГПК РФ предусматривает право лиц, участвующих в деле (а не представителей!), на представление возражений относительно апелляционной жалобы. Чем можно объяснить такую практику? Вероятно, суды перестраховываются, дабы оградить себя от возможной отмены судебного акта по причине ненадлежащего уведомления кого-либо из участников судопроизводства. Однако здесь стоит обратить внимание на положения п. 2 ч. 4 ст. 379.7 ГПК РФ, где в качестве основания отмены судебных постановлений в кассационном порядке выступает рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле, не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания. И снова в законе речь идет об извещении лиц, участвующих в деле, а не их представителей. Лицо, участвующее в деле, и судебный представитель — это различные процессуальные фигуры. Судебный представитель не может действовать совершенно обособленно от воли представляемого им лица. Таким образом, из представленного примера косвенно следует, что нераскрытие законодателем содержания основных понятий влечет нарушение

⁵ См. об этом: Артебякина Н.А. Теоретические и практические проблемы института лиц, участвующих в деле : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 89–106.

⁶ Кузбагаров А.Н., Кузбагарова В.А. К вопросу об исключении или усилении института заключения прокурора в гражданском процессе // Перспективы развития гражданского процессуального права : сб. по мат. IV Междунар. науч.-практич. конф., посв. 90-летию СЮИ-СГИА (г. Саратов, 3 октября 2020 г.) / под ред. О.В. Исаенковой ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. С. 244.

принципа процессуальной экономии, а также с неизбежностью — принципа законности.

Чуть раньше, чем Федеральный закон № 451-ФЗ, увидел свет Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷ (далее — Федеральный закон № 265-ФЗ), вступивший в силу с 1 сентября 2019 г. До принятия Федерального закона № 265-ФЗ ГПК РФ, помимо словосочетания «лица, участвующие в деле», использовал такие понятия, как «субъект правоотношения» (ст. 2) и «участники процесса» (ч. 2 ст. 85; ст. 148; ч. 1 ст. 153; ч. 2 ст. 156; ч. 2, 3, 5 ст. 158; ч. 5 ст. 159; ч. 2 ст. 161; ч. 3 ст. 162; ч. 1, 2 ст. 169; ч. 3 ст. 226; ч. 2 ст. 317, в наименовании гл. 4).

Федеральный закон № 265-ФЗ обновил наименование гл. 4 ГПК РФ следующим образом: «Лица, участвующие в деле, и другие участники процесса». При этом «другим участником процесса», помимо лиц, участвующих в деле, стал только помощник судьи (ст. 47.1 ГПК РФ). Несомненно, реалии таковы, что необходимость введения подобной процессуальной фигуры назрела давно. Однако в этом случае необходимо было проявить последовательность в изложении гражданских процессуальных норм, обозначив всех участников гражданского судопроизводства, классифицировав их надлежащим

образом: суд общей юрисдикции; лица, имеющие субъективную заинтересованность в исходе дела; лица, не имеющие субъективной заинтересованности в исходе дела, а также лица, содействующие осуществлению правосудия. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что правильное было бы отнести помощника судьи к участникам гражданского судопроизводства.

Федеральный закон № 451-ФЗ, призванный разрешить накопившиеся проблемы, отчасти создал новые: в ГПК РФ введен еще один термин: «участник судебного разбирательства» (ч. 5 ст. 153.6, ч. 1, 1.1 ст. 159). К сожалению, закон в очередной раз, оперируя понятием, не раскрыл его содержание. Можно предположить, что участниками судебного разбирательства являются лица, участвующие в деле, и их представители. Сложнее определить, являются ли таковыми свидетели, эксперты, специалисты. Неясно, каким критерием необходимо руководствоваться, чтобы квалифицировать то или иное лицо в качестве участника судебного разбирательства.

Вызывает сожаление тот факт, что при таких масштабных нововведениях, которые претерпел в недавнем прошлом гражданский процессуальный закон, остался без внимания один из его ключевых институтов. Несомненно, при такой глобальной модернизации должен был применяться системный подход, охватывающий все возможные аспекты. На деле все оказалось не столь продуманным, как этого бы хотелось.

⁷ Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Артебякина Н.А. Теоретические и практические проблемы института лиц, участвующих в деле : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Н.А. Артебякина. Саратов, 2010. 182 с.
2. Викут М.А. Проблема правового регулирования процессуального положения и деятельности сторон в советском гражданском судопроизводстве : автореферат диссертации доктора юридических наук / М.А. Викут. Саратов, 1971. 34 с.
3. Кузбагаров А.Н. К вопросу об исключении или усилении института заключения прокурора в гражданском процессе / А.Н. Кузбагаров, В.А. Кузбагарова // Перспективы развития гражданского процессуального права : материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГИА (г. Саратов, 3 октября 2020 г.) : сборник научных статей / под редакцией О.В. Исаенковой. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2020. 500 с.
4. Тай Ю.В. «Суд скорый, правый милостивый»: полтора века в поисках аугеа mediocritas / Ю.В. Тай, А.А. Смола // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 1. С. 346–370.

Яхимович**Антон Владимирович,**

соискатель ученой степени
кандидата юридических наук кафедры
гражданского процесса
Юридического факультета
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова (МГУ)
anton.yakhimovich@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-9-9-13

Проблема обоснования процессуального estoppel в гражданском судопроизводстве

В статье рассматриваются проблема обоснования судебной доктрины «процессуального эстоппеля» (estoppel) и возможные причины ее появления в отечественном гражданском процессе. Предлагается обосновывать процессуальный estoppel с позиции публичного интереса в осуществлении правильного и своевременного рассмотрения дела и примирения сторон.

Ключевые слова: эстоппель, процессуальный юридический факт, доверие суда, злоупотребление процессуальными правами.

В российской судебной практике институт общего права *estoppel*, применяемый в отношении доказывания спорных материально-правовых фактов, был воспринят не как институт доказательственного права, а как средство борьбы с процессуальной недобросовестностью сторон. В литературе отмечается формирование особой судебной доктрины «процессуальный эстоппель»¹. При этом речь идет не о рецепции, как полагают некоторые авторы², а о формулировании нового явления, зарубежному правопорядку-донору неизвестного (речь не идет о виде *estoppel*, содержание которого в отечественном процессе определяется категориями законной силы судебного решения и тождественности исков). Свообразное восприятие института *estoppel* обусловлено неоднозначностью категории гражданской процессуальной ответственности в теории процесса и одновременно — невозможностью эффективно противодействовать недобросовестному процессуальному поведению в рамках действующего законодательства на практике³.

Основным объектом применения *estoppel* стало недобросовестное поведение сторон в гражданском процессе, а *estoppel* фактически превратился в своеобразную санкцию в

виде ограничения их процессуальных прав. При этом вопрос существования гражданской процессуальной ответственности с начала его обсуждения⁴ носит дискуссионный характер в теории гражданского процесса. Но независимо от занимаемой позиции, если мы говорим об ответственности, должен быть установлен факт правонарушения. В этой связи в доктрине отмечается невозможность на основании требования добросовестности сформировать типовой состав правонарушения ввиду неопределенности как ее неотъемлемого свойства⁵. Затруднительно заранее определить, какие факты могут быть положены в основу решения суда о признании процессуального поведения недобросовестным. Необходимость отличать недобросовестное поведение от добросовестного заблуждения стороны относительно совершаемых ею действий в процессе требует установления вины лица в форме умысла⁶. Это обстоятельство фактически парализовало применение ст. 111 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁷ и ст. 99 Граждан-

¹ Фокин Е.А. Сотрудничество суда и сторон в судебном разбирательстве — новая доктрина российского арбитражного процесса? // Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. М.: ИЗиСП, 2021. С. 271.

² Володарский Д.Б., Кашкарова И.Н. Процессуальный эстоппель в практике российских судов (эмпирический анализ) // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 5. С. 67.

³ Загидуллин М.Р. Юридическая ответственность в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 1. С. 122–123.

⁴ Чечина Н.А., Элькинд П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 33–41.

⁵ Склоцкий К.И. Толкование добросовестности как обязанность суда // Закон. 2017. № 1. С. 106; Медведев И.Р. Гражданская процессуальная ответственность: некоторые проблемы // Журнал российского права. 2006. № 7 (115). С. 138.

⁶ Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 октября 2011 г. № ВАС-12722/11 по делу № А47-3102/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

ского процессуального кодекса Российской Федерации⁸, о чем свидетельствует практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Суд обязан применять судебное усмотрение, которое должно реализовываться в рамках установленной законом процессуальной формы производства в суде первой инстанции и находить свое выражение в мотивированном судебном акте⁹. Оно должно соответствовать требованию мотивированности и обоснованности: закон обязывает суд основывать судебное усмотрение не на внутреннем убеждении, а на фактах и доказательствах, исследованных в процессе, с приведением доводов — умозаключений, обосновывающих принятое решение. Но по указанным выше причинам характер законодательного регулирования ответственности за недобросовестное процессуальное поведение не позволяет суду применять судебное усмотрение в пределах, установленных законом.

В итоге суды вместо применения установленных законом санкций обращаются к институту estoppel, который изначально был введен в судебную практику в 2011 г. для недопущения множественности исков, основанных на одном и том же материальном правоотношении (по крайней мере, тот его вид, на который сослался Высший Арбитражный Суд Российской Федерации)¹⁰. Фактически речь шла об определении пределов законной силы судебного решения и расширении понимания тождественности исков. Но увязывание estoppel с принципом добросовестности было воспринято как возможность его применения судами и в отношении недобросовестного процессуального поведения сторон. При этом отсутствие нормативного закрепления estoppel «решило» проблему законности судебного усмотрения.

Одновременно суды замешают процессуальное понятие добросовестности материально-правовым, которое основывается на последовательности и непротиворечивости поведения участников материального правоотношения. При таком переносе категории

материального права в процесс возникает проблема обоснования идеи последовательности применительно к процессуальному поведению сторон — главным образом отстаиваемой ими позиции по делу. Анализ применения элементов «традиционного» estoppel, используемого для доказывания материально-правовых фактов, в отношении указанного процессуального поведения неизбежно выявляет сложность с раскрытием их содержания.

Отмечается проблематичность формулирования как самого понятия «позиция по делу», так и форм ее внешнего выражения, момента и длительности формирования, восприятия и ее изменения¹¹. Можно ли вообще говорить об обоснованности разумного ожидания процессуального оппонента в отсутствие между ними правоотношения? Возможно, поэтому суды практически не ссылаются на разумность ожидания при применении процессуального estoppel, что, вообще говоря, должно ставить под сомнение обоснованность концепции процессуального estoppel, в которой адресатом позиции по делу является сторона по делу. Элемент разумности доверия к заявлению лица — системообразующий для института estoppel, исторически возникшего как ответ на необходимость защиты интересов стороны дефектного договорного обязательства, в содержание которого входит гарантия правдивости изъявленного (*warranty*).

Наконец, неясен характер неблагоприятных последствий в рассматриваемой ситуации, поскольку затруднительно сформулировать их конкретный и реальный характер¹². Однако даже в материальном отношении интерес лица защищается с помощью estoppel не от противоречивости поведения как таковой, а от наступления реальных неблагоприятных последствий.

В результате не удастся сформулировать последовательную концепцию процессуального estoppel, в основе которой лежат позиция стороны по делу и доверие к ней стороны по делу. Она неизбежно входит в противоречие с диспозитивными правами сторон и свойством отменности процессуальных действий, правом сторон действовать в своем интересе и изменять состав фактов, входящих в основания иска или возражения на него. Но иное вряд ли было бы возможно,

⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс»; Грель Я.В. Злоупотребление сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2006, С. 114–117.

⁹ Папкова О.А. Усмотрение суда. М.: Статут, 2005. С. 45–47, 58.

¹⁰ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 марта 2011 г. № 13903/10 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Черных И.И. Эстоппель в гражданском судопроизводстве // Законы России. 2015. № 12. С. 83–85.

¹² Грибов Н.Д. Противоречивое поведение лиц, участвующих в деле // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 3. С. 14–15.

учитывая выработанное в доктрине и отраженное в законодательстве понятие процессуального правоотношения как публичного властеотношения суда и сторон. Стороны по общему правилу не вступают между собой в правоотношения, а результат их действий имеет процессуально-правовые последствия только после санкционирования их судом¹³.

Возникает вопрос: может ли процессуальное поведение быть предметом estoppel?

Необходимо учитывать, что в классической модели estoppel далеко не всякое обстоятельство может быть основанием для его применения, но только то, которое является **юридическим фактом**. Должно быть явно выраженное волеизъявление, которое объективно может быть воспринято как направленное на побуждение адресата к действию. Учитывая, что право на судебную защиту реализуется в установленной процессуальной форме, в основании применения процессуального estoppel тем более должен лежать процессуальный юридический факт. Таковыми в рассматриваемой ситуации могут быть волевые действия сторон, являющиеся юридическими фактами.

Судебная практика это подтверждает: характерной особенностью российского процессуального estoppel является применение его судом. Но при этом порядок его применения предопределен структурой процессуального отношения, где для волеизъявления суда требуется совершение стороной процессуального действия. Применение судом процессуального estoppel является результатом совершения стороной *процессуального действия, адресованного суду*. Исходя из этого, позиция стороны по делу как категория юридически неопределенная не может быть основанием для применения estoppel. Это подтверждается еще и тем, что объяснение стороны, будучи отражением по своему содержанию ее позиции по делу (в отсутствие признания), также не является юридическим фактом. Оно является «заявлением о знании, сообщением о фактах внешнего мира», действительность которого никак не связана с наступлением конкретных юридических последствий и которое не направлено на их наступление¹⁴.

Таким образом, посредством процессуального estoppel должно **защищаться доверие (разумное ожидание) именно суда,**

а добросовестность должна обсуждаться применительно к отношениям между судом и сторонами. Недобросовестное процессуальное поведение направлено против интересов суда¹⁵, поскольку препятствует осуществлению должного процесса. Если рассуждать с этих позиций, исчезает проблема противоречия между материально-правовым пониманием добросовестности и правом стороны действовать в своем интересе в судебном процессе.

Добросовестность в процессе предлагается раскрывать через принцип сотрудничества сторон и суда¹⁶, где ее критерием выступают «предоставление суду сведений, соответствующих действительности, и совершение процессуальных действий, направленных на действительную защиту права»¹⁷. Такое понимание процессуальной добросовестности имело место как в дореволюционной, так и в литературе советского периода¹⁸, когда подчеркивалось, что правдивость «вытекает из существа отношений частных лиц к судебной власти»¹⁹. У сторон нет права распоряжения фактами в том смысле, что стороны не вольны представлять в обоснование своей позиции выдуманные или заведомо ложные факты.

Объективно правильное решение суда возможно только, когда «факты, подлежащие обсуждению судом, будут истинными, а не вымышленными»²⁰. Именно ожидаемая судом правдивость в действиях сторон составляет основу разумному доверию суда, которое является необходимым элементом состава процессуального estoppel. И, наконец, факт восприятия судом процессуального действия, а равно бездействия лица в процессе (при наличии соответствующей обязанности) имеет вполне определенный порядок оформления и место во времени.

¹⁵ Ванеева Л.А. Понятие юридической обязанности по гражданскому процессуальному праву // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1984. № 4. С. 49.

¹⁶ Аболонин В.О. Принцип добросовестности и сотрудничества в «новом» гражданском процессе // Вестник арбитражного и гражданского процесса. 2013. № 8. С. 2–8.

¹⁷ Соловьева Т.В. К вопросу о добросовестном поведении в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 4. С. 70–71.

¹⁸ Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М.: Юридическая литература, 1982. С. 99–100.

¹⁹ Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т. I. СПб., 1876. С. 127.

²⁰ Яблочков Т.М. К учению об основных принципах гражданского процесса. М., 1914. С. 20, 21.

¹³ Шеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М.: Юридическая литература, 1966. С. 94.

¹⁴ Медведев И.Р. Объяснения сторон и третьих лиц как доказательство в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 73.

Таким образом, именно на стороне суда необходимо анализировать наличие неблагоприятных последствий.

Суд — фигура заинтересованная: он выражает публичный интерес в правильном и своевременном рассмотрении и разрешении гражданского дела либо примирении сторон²¹. Реализуется этот интерес через судебное руководство процессом, где «конечная цель» состоит в создании условий для наиболее полного раскрытия спорного отношения перед судом и применения к нему норм права²². Достигается эта цель через выполнение задач подготовки дела к судебному разбирательству и действий суда и сторон, совершаемых при ее проведении.

Соответственно, последующие действия стороны, совершаемые ею в ходе рассмотрения дела по существу и тем более в стадии пересмотра судебного решения и направленные фактически на аннулирование действий по подготовке дела к судебному разбирательству, а равно по примирению сторон, несут в себе угрозу наступления неблагоприятных последствий. Они состоят в отмене результатов текущего процесса, который в отсутствие таких действий лица полностью соответствует порядку гражданского судопроизводства. Возникает необходимость рассмотрения дела с самого начала либо проведения нового судебного процесса в результате оставления заявления без рассмотрения. При этом, если речь идет об оставлении заявления без рассмотрения, новый процесс вообще может не состояться в связи с истечением срока исковой давности. Другим последствием является воспрепятствование и затягивание рассмотрения дела в результате уклонения от проведения примирительных процедур, в частности из-за немотивированного отказа от заключенного, но еще не утвержденного мирового соглашения. Эти последствия наступают исключительно из-за заведомого несовершения стороной по делу процессуального действия в тот момент, когда ей стало известно об основаниях для его совершения либо же в ответ на действия суда по подготовке дела к рассмотрению. Тем более если по делу проведено предварительное судебное заседание, целью которого является закрепление распорядительных

действий сторон, совершенных в стадии подготовки. В этой ситуации суд, применяя процессуальный estoppel, ограничивает действие принципа диспозитивности и в ряде случаев фактически лишает процессуальное действие лица свойства отменимости в целях выполнения задач гражданского судопроизводства. Лица, участвующие в деле, должны осознавать, что гражданский процесс — установление государственное, созданное не в их личных интересах, а в интересах охраны права²³.

Именно из указанных соображений можно объяснить формирование судебной доктрины процессуального estoppel в отношении заявлений стороны о несоблюдении досудебного порядка урегулирования споров²⁴, не привлечении в процесс²⁵, ненадлежащем извещении и рассмотрении дела в ее отсутствие²⁶. Предлагаемое обоснование процессуального estoppel позволяет обсуждать теоретическую возможность удовлетворения требований истца, несмотря на заявление ответчика о применении исковой давности или о том, что он является ненадлежащим ответчиком²⁷. Оно может служить основанием для решения обсуждаемой в литературе проблемы безосновательного одностороннего отказа от заключенного, но еще не утвержденного судом мирового соглашения²⁸, а также иных процессуальных соглашений о выборе юрисдикционной формы защиты права²⁹.

²³ Рязановский В.А. Единство процесса (памяти А.А. Симолина) // Сборник трудов профессором и преподавателей Иркутского государственного университета. Иркутск, 1920.

²⁴ Обзор судебной практики ВС РФ № 4 (2015) (утв. Президиумом ВС РФ 10.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Постановление АС ЦО РФ от 7 августа 2019 г. № Ф10-2986/2019 по делу № А64-6829/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Постановление АС СЗО РФ от 12 декабря 2017 г. № Ф07-13736/2017 по делу № А56-12975/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Определение ВС РФ от 9 октября 2014 г. № 303-ЭС14-31; Определение ВС РФ от 25 июля 2017 г. № 18-КГ17-68 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Абушенко Д.Б. Процессуально-правовые последствия неутвержденного мирового соглашения в исковом производстве: опыт анализа по законодательству Российской Федерации // ВЭП. 2019. № 6. С. 98–100.

²⁹ Иванова Е.А. Соглашения в сфере гражданской юрисдикции: процессуально-правовой аспект. М.: Статут, 2020. С. 48.

²¹ Борисова Е.А. Судебное примирение: кто виноват и что делать? // Российский судья. 2019. № 9. С. 20–23.

²² Малышев К.И. Указ. соч. С. 19.

Литература

1. Аболонин В.О. Принцип добросовестности и сотрудничества в «новом» гражданском процессе / В.О. Аболонин // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 2–8.
2. Абушенко Д.Б. Процессуально-правовые последствия неутвержденного мирового соглашения в исковом производстве: опыт анализа по законодательству Российской Федерации / Д.Б. Абушенко // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 92–116.
3. Борисова Е.А. Судебное примирение: кто виноват и что делать? / Е.А. Борисова // Российский судья. 2019. № 9. С. 20–23.
4. Ванеева Л.А. Понятие юридической обязанности по гражданскому процессуальному праву / Л.А. Ванеева // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1984. № 4. С. 46–51.
5. Володарский Д.Б. Процессуальный эстоппель в практике российских судов (эмпирический анализ) / Д.Б. Володарский, И.Н. Кашкарова // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 5. С. 61–110.
6. Грель Я.В. Злоупотребление сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе : диссертация кандидата юридических наук / Я.В. Грель. Новосибирск, 2006. 207 с.
7. Грибов Н.Д. Противоречивое поведение лиц, участвующих в деле / Н.Д. Грибов // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 3. С. 13–17.
8. Загидуллин М.Р. Юридическая ответственность в цивилистическом процессе / М.Р. Загидуллин // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 1. С. 119–134.
9. Иванова Е.А. Соглашения в сфере гражданской юрисдикции: процессуально-правовой аспект / Е.А. Иванова. Москва : Статут, 2020. 178 с.
10. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. В 3 томах. Т. 1 / К.И. Малышев. 2-е испр. и доп. изд. Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1876. 444 с.
11. Медведев И.Р. Гражданская процессуальная ответственность: некоторые проблемы / И.Р. Медведев // Журнал российского права. 2006. № 7 (115). С. 135–142.
12. Медведев И.Р. Объяснения сторон и третьих лиц как доказательство в гражданском процессе : диссертация кандидата юридических наук / И.Р. Медведев. Москва, 2008. 270 с.
13. Папкова О.А. Усмотрение суда / О.А. Папкова. Москва : Статут, 2005. 411 с.
14. Рязановский В.А. Единство процесса (памяти А.А. Симолина) / В.А. Рязановский // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. Иркутск, 1920. Отд. 1. Науки гуманитарные, Вып. 1. С. 36–68.
15. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства / В.М. Семенов. Москва : Юридическая литература, 1982. 152 с.
16. Скловский К.И. Толкование добросовестности как обязанность суда / К.И. Скловский // Закон. 2017. № 1. С. 106–109.
17. Соловьева Т.В. К вопросу о добросовестном поведении в гражданском судопроизводстве / Т.В. Соловьева // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 4. С. 62–78.
18. Фокин Е.А. Сотрудничество суда и сторон в судебном разбирательстве — новая доктрина российского арбитражного процесса? / Е.А. Фокин // Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / П.П. Серков [и др.] ; ответственные редакторы В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. Москва : ИЗиСП, 2021. С. 271–286.
19. Черных И.И. Эстоппель в гражданском судопроизводстве / И.И. Черных // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12. С. 81–88.
20. Чечина Н.А. Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности / Н.А. Чечина, П.С. Элькин // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 33–41.
21. Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение / В.Н. Щеглов. Москва : Юридическая литература, 1966. 168 с.
22. Яблочков Т.М. К учению об основных принципах гражданского процесса / Т.М. Яблочков. Москва, 1914. 44 с.

Медведев Иван Риммович,

доцент Высшей школы урбанистики
имени А.А. Высоковского (ФГРР)
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики» (НИУ ВШЭ),
кандидат юридических наук
1m@bk.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-9-14-18

Проблемы судебной практики о праве на вид

В статье анализируется последняя судебная практика России и Великобритании по поводу видовых прав. Сегодня право на вид не признается законодательством. Однако, по мнению автора, определенный вид из окон может быть детально описан в договоре и подлежать юридической защите. Подвергается критике право застройщика в одностороннем порядке корректировать проектную документацию, поскольку это нарушает видовые права. Рассматривается «негативная» сторона права на вид, когда собственник квартиры может сам стать объектом наблюдения извне. Автор полагает, что снижение видовой составляющей стоимости недвижимости из-за городских политик должно также компенсироваться на основе ст. 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: право на вид, неприкосновенность, деликт, компенсация, недвижимость.

Вопросы регулирования видовых прав в последнее время получают все больше внимания на рынке недвижимости. Специалисты обсуждают значимость видовой составляющей в стоимости продаваемых офисных и жилых объектов, регулярно публикуются аналитические сборники, обобщающие уровень наценки на жилье, которое расположено у морей или рек (Prime Waterfront Index). Существование разницы в жилье «с видом» и без него де-факто стало обычаем делового оборота и общим местом в дискуссиях покупателей квартир, что стимулирует интерес юристов к данной проблематике¹. Вместе с тем судебная практика в этой сфере почти не развита: по сути, известное дело о виде из окна как информации о товаре (M. vs. ООО «Адмирал», ЖК «Западное Кунцево», Московская область), рассмотренное Верховным Судом Российской Федерации в 2016 г., так и осталось единственным положительным примером, где требования истца были удовлетворены хотя бы частично².

В настоящей статье мы прокомментируем увлекательный кейс жилого комплекса (далее — ЖК) в Екатеринбурге, возведенного между рекой Исеть и главным парком города — ЦПКиО им. В.В. Маяковского.

В январе 2019 г. гражданин (истец) заключил с ООО «Специализированный застройщик “ЖК «Клевер парк»” договор долевого участия в строительстве. В соответствии с ним девелопер обязался построить вторую очередь ЖК и передать в собственность истца трехкомнатную квартиру на 21-м этаже. На модели ЖК окна квартиры выходили на самую высокую секцию соседнего дома, но на момент заключения договора проектной документацией было предусмотрено, что секция будет иметь 17 этажей, т.е. располагаться ниже квартиры истца. Тем самым покупатель сохранял свободный обзор на город и естественное освещение. И при выборе квартиры истец специально подчеркивал значимость вида из окна и обзорность в качестве принципиальных конкурентных пре-

¹ Волочай Ю.А. Защита права на вид, открывающийся с недвижимой вещи (в аспекте сравнения права России и Германии) // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 75–96 ; Поддубная В.А. Юридические средства обеспечения права на свет и на вид : магистерская диссертация. СПб., 2020. 75 с.

² Определение Московского городского суда от 12 ноября 2015 г. по делу № 33-42257/2015 ;

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 мая 2016 г. № 5-КГ16-47 ; Решение Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 21 июля 2016 г. по делу № 2-3954/2016 // СПС «КонсультантПлюс». См. подробнее: Медведев И.Р. Разрешение городских конфликтов. М. : Инфотропик Медиа, 2017. С. 29–30.

имущества объекта недвижимости. А менеджер застройщика подтвердил, что соседняя секция не перекрывает обзор из квартиры, следовательно ее видовые характеристики соответствуют требованиям покупателя.

В июле 2019 г. застройщик внес изменения в проект строительства, из-за чего соседняя секция увеличилась на шесть надземных этажей, с 17 до 23. Это привело к тому, что квартира истца по завершении строительства ЖК будет находиться ниже соседнего дома. В результате ухудшатся видовые характеристики и уровень инсоляции, а следовательно, и стоимость объекта недвижимости. Истец потребовал от застройщика уменьшить цену договора соразмерно предположительному падению стоимости квартиры (примерно на 10%), поскольку его права нарушаются видом из окна на соседний дом.

Все три инстанции истец проиграл. Вкратце выводы судов сводятся к следующему³. Видовые нарушения не являются дефектами жилого помещения в смысле закона об участии в долевом строительстве⁴; квартира не достроена (готово лишь 15 этажей) и не передана истцу, право собственности у него отсутствует, поэтому требования преждевременны; условий относительно параметров и характеристик квартиры ответчик не нарушал, она пригодна для использования. Предоставление неполной информации о соседней секции не является основанием уменьшения цены. Кроме того, в договоре предусмотрено, что стороны допускают возможность корректировки застройщиком проектной документации без уведомления гражданина, а истец

собственноручно подписал договор, замечаний не высказал, протокол разногласий не составлялся.

Пускай суды подошли к оценке видовых прав истца формально, ряд выводов судебных актов заслуживает подробных комментариев.

В решении суда второй инстанции указано, что **договор не содержит положений о видовых характеристиках** из окон объекта долевого строительства. Сторонами такое условие не оговаривалось, соглашение по данному вопросу не заключалось, дополнительные требования к объекту не были установлены. То, что застройщик позиционирует дом со ссылками на близость парка и реки, само по себе не свидетельствует, что сторонами согласовано условие о видовых характеристиках квартиры⁵.

По нашему мнению, данный текст допустимо толковать в том ключе, что, если в договоре нечто подобное имеется, такое условие имеет юридическую силу. Это открывает неплохие перспективы: вид из каждого окна может быть детально описан в договоре с приложением фотореалистичных изображений (рендеров), созданных в компьютерной программе для работы с трехмерной графикой.

При этом ценность вида складывается из нескольких слоев, для которых Т.А. Маркус применял следующую горизонтальную стратификацию: слой неба, слой города или ландшафта и слой земли. Слой неба является доминирующим источником света, держит нас в курсе изменений времени суток, погоды и сезона, а возможность смотреть на солнце, помимо инсоляции и тепла, также имеет эстетическое и символическое значения. Слой города дает общую информацию об окружающей среде, пейзаже и положении нашего места жительства относительно других объектов. Наконец, вид сверху на улицы, дворы, скверы, игровые площадки и происходящие там действия составляет основную, социальную часть вида из окна, мы узнаем о деятельности,

³ Решение Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 13 августа 2020 г. по делу № 2-2849/2020 ; Определение Свердловского областного суда от 19 ноября 2020 г. № 33-16062/2020 ; Определение Седьмого кассационного суда от 17 февраля 2021 г. № 88-2359/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Свердловского областного суда от 19 ноября 2020 г. № 33-16062/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

которая творится в непосредственной близости⁶. Хороший вид из окна складывается, когда хотя бы небольшой фрагмент *каждого* из трех слоев различим независимо от угла зрения или освещения.

Таким образом, все три слоя влияют на удовлетворенность от владения объектом недвижимости. Они могут выражаться в определенной стоимости видовых прав, которая должна включаться в договор. Конечно, препятствием является позиция девелоперов и банков, традиционно не желающих менять стандартные формы и отказывающихся вводить в них предложения покупателя. Но потребитель обязан осознавать, что в противном случае он рискует за свои деньги получить kota в мешке. И раз положения Гражданского кодекса Российской Федерации⁷ (далее — ГК РФ) о свободе договора (п. 1 ст. 421) без исключений распространяются на покупку жилья, необходимо настаивать, чтобы видовые условия были пропечатаны прямым текстом, либо отказываться от сделки.

В отношении вида из окна в полном неведении покупателя держат и метаморфозы с проектной документацией. Как следует из решений судов, в договоре было предусмотрено, что стороны допускают возможность *корректировки застройщиком проектной документации*, не затрагивающей конструктивных элементов объекта, *без уведомления* истца (в данной формулировке вольно пересказывается п. 1 ч. 3.8 ст. 49 Градостроительного кодекса Российской Федерации⁸, далее — ГрК РФ). И, как объяснил ответчик, проектная документация может быть *в любой момент снова изменена*.

Не вдаваясь в дискуссию о том, затрагивает ли несущие конструкции увеличение этажности дома на треть (на наш

взгляд, да), хочется сказать, что бесконечная переработка документации после подписания договора эту сделку обесмысливает. Гражданин желал приобрести квартиру с определенными параметрами, в том числе видовыми, свои требования озвучил, платил деньги именно за то, что ему обязан в итоге предоставить застройщик. Согласимся с позицией истца, что реализация девелопером права на изменение проектной документации в одностороннем порядке не должна нарушать права потребителя. Роль судебной практики здесь в том, чтобы, толкуя нормы ГрК РФ и ГК РФ без отрыва друг от друга, сузить спектр действий продавца, которые он осуществляет без согласия покупателя.

Никакого комментария суда в изучаемом кейсе не удостоился любопытный аргумент о том, что в результате действий застройщика **снизится уровень приватности** квартиры, хотя эта тема крайне актуальна за рубежом. В видовых правах выделяются две стороны: позитивная и негативная. Позитивная выражается в различных положительных эффектах, которые придает недвижимости хороший вид. А негативная — своего рода «вид из окна наоборот», когда, наслаждаясь городскими сценами, жилец одновременно может стать объектом наблюдения с улицы или из соседних зданий. Такой аспект визуальной коммуникации поднимает пласт юридических проблем, связанных с неприкосновенностью частной жизни и компенсациями за нарушения *privacy*.

Вспоминается нашумевшее дело, где столкнулись интересы элитного ЖК Neо Bankside на южном берегу реки Темзы в Лондоне и примыкающей к нему всемирно известной галереи современного искусства «Тейт», расположенной в здании бывшей электростанции в тридцати метрах рядом⁹. В 2016 г. открыли новую пристройку к галерее, названную в честь уроженца СССР, миллиардера Леонида

⁶ Marcus T.A. The Function of Windows — A Reappraisal // Building Science. 1967. Vol. 2. Iss. 2. P. 103.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Fearn and others v. Tate Gallery, 12/02/2019, Case № A3/2019/0485, [2019] EWHC 246 (Ch). URL: <https://www.judiciary.uk/judgments/fearn-v-tate-gallery/>; Fearn and others v. Tate Gallery, Court Of Appeal (Civil Division), 12/02/2020, Case № A3/2019/0485, [2020] EWCA Civ 104. URL: <https://www.judiciary.uk/judgments/fearne-ors-v-tate-gallery>

Блаватника — одного из крупнейших жертвователей музея. На ее десятом этаже размещена смотровая площадка с бесплатным доступом, с которой посетители смакуют панорамы столицы Великобритании и, как ни парадоксально, — интерьеры ЖК Neo Bankside. ЖК представляет собою впечатляющее архитектурное решение, а стеклянные окна в пол покупатели считали одним из ключевых преимуществ. Однако аудитория музея (сотни тысяч человек в год) с удовольствием фотографирует быт жителей, рассматривает их в бинокли, машет руками и выкладывает видео их повседневности в социальные сети, тем самым заставляя жителей чувствовать себя как в зоопарке и испытывать постоянный дискомфорт.

Несколько жильцов обратились с иском, требуя закрыть часть галереи, из которой открывается обзор их квартир. Он был заявлен на основе деликта *nuisance*, используемого в урегулировании соседских конфликтов. Этот институт похож на негативный иск и направлен против любого поведения, причиняющего беспокойство и не позволяющего нормально использовать недвижимость¹⁰. Хотя позиция истцов не нашла поддержки судов, вопрос приватности в видовых правах, на наш взгляд, нуждается в дальнейшей разработке, особенно в плане возмещения убытков.

Мы считаем, что при вынесении проектов строительства на обсуждение местным органам власти необходимо уделять пристальное внимание тому, какие виды и куда откроются из новых зданий («тест на конфиденциальность»), какой уровень вторжения в частную жизнь возникнет при обычном использовании недвижимости. Жилье приобретает качество зоны уединения и покоя и не рассчитано на то, что станет объектом чужих взглядов, переживаний и художественных опытов; это воздействие сравнимо с неприятным шумом или запахом. Сегодня такой анализ не делается, он не проводился ни в кейсе галереи «Тейт», ни

тем паче в кейсе ЖК «Клевер парк», что нельзя признать правильным.

Несмотря на отрицательный результат, мы считаем дело ЖК «Клевер парк» знаменательным для практики о видовых правах. Данный кейс относится к стратегической литигации¹¹ — представлению интересов по делам, которые могут привести к системным реформам. Проблема касается сотен тысяч покупателей жилья, и в этом ключе настойчивость истца в аргументации своей позиции можно оценить положительно.

Рассмотренное дело — продукт известных проблем в сфере купли-продажи недвижимости. Сегодня все риски, связанные с последующими действиями продавца, застройщиков соседних участков или публичными ограничениями вследствие новых решений муниципалитетов, возлагаются на добросовестных потребителей, что явно несправедливо.

Обратим внимание, что в кейсе ЖК «Клевер парк» затронут только фрагмент вопроса о видовых правах, поскольку этажность увеличил тот же девелопер в рамках комплексного проекта. Однако большая часть сложностей у собственников жилья возникает, подобно делу галереи «Тейт», когда в городе ведется хаотичная застройка, а ее инициаторы формально не обязаны согласовывать видовые параметры с соседями и с горожанами вообще. При этом нарушений законодательства может не быть, ибо есть формальное соответствие объекта документам территориального планирования и градостроительного зонирования.

Эта проблематика нуждается в изучении через призму ст. 16.1 ГК РФ, дающей право на компенсацию ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления. Сейчас эту норму нельзя применить к нарушениям видовых прав, но круг случаев возмещения за ошибки публичной власти будет

¹⁰ Багаев В.А. Приобретение недвижимого имущества по давности владения по российскому и английскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. С. 164–165.

¹¹ Медведев И.Р. Административные иски об обязанности воздержаться от совершения определенных действий // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 5. С. 50.

постоянно расширяться¹². Мы полагаем, что ст. 16.1 ГК РФ рано или поздно охватит и ущерб из-за снижения видовой составляющей стоимости недвижимости, возникший вследствие некомпетентных (пускай и законных) городских политик. Конечно, никто не отрицает сложность в определении баланса между частными интересами в праве на вид и публичными задачами властей в развитии территории¹³. Тем не менее вид из окна как величина окружающего пространства, хорошо просматриваемого из окон квартиры, без сомнения, является одним из показателей качества жилья. Он должен иметь экономическую оценку, характеризоваться в специальном разделе проектной документации и подлежать юридической защите. В современном

мире муниципалитеты конкурируют за жителей и инвесторов. Поэтому охрана видовых прав как градостроительным, так и гражданским законодательством выгодна городам, поскольку рекламирует их как надежное место для вложений.

Особую важность право на вид приобретает сегодня, в эпоху строгих карантинных мер для борьбы с пандемией коронавирусной инфекции. Люди претерпевают вынужденную изоляцию, не могут выходить на улицу, оттого значимость окна как элемента здания существенно возрастает¹⁴. Оно — не просто проем в стене, который драпируется ламбрекенами. Окно, по сути, теперь главный способ нашей аудиовизуальной связи с внешним миром. И видовые права как воплощение права на город становятся жизненно необходимыми и будут сближаться с базовыми правами человека.

¹² Ягельницкий А.А., Маркелова А.А. Комментарий к статье 16.1 ГК РФ // Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 ГК РФ / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2020. С. 1443.

¹³ Башарин А.В., Петунов А.А. Защита прав правообладателей земельных участков при изменении документов градостроительного зонирования // Закон. 2019. № 6. С. 157–171.

¹⁴ Batool A., Rutherford P. et al. Window Views: Difference of Perception during the COVID-19 Lockdown // The Journal of the Illuminating Engineering Society. 2021. Vol. 17. Iss. 4. P. 380–390.

Литература

1. Багаев В.А. Приобретение недвижимого имущества по давности владения по российскому и английскому праву : диссертация кандидата юридических наук / В.А. Багаев. Санкт-Петербург, 2015. 226 с.
2. Башарин А.В. Защита прав правообладателей земельных участков при изменении документов градостроительного зонирования / А.В. Башарин, А.А. Петунов // Закон. 2019. № 6. С. 157–171.
3. Волочай Ю.А. Защита права на вид, открывающийся с недвижимой вещи (в аспекте сравнения права России и Германии) / Ю.А. Волочай // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 75–96.
4. Медведев И.Р. Административные иски об обязанности воздержаться от совершения определенных действий / И.Р. Медведев // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 5. С. 49–53.
5. Медведев И.Р. Разрешение городских конфликтов / И.Р. Медведев. Москва : Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.
6. Поддубная В.А. Юридические средства обеспечения права на свет и на вид : магистерская диссертация / В.А. Поддубная. Санкт-Петербург, 2020. 75 с.
7. Ягельницкий А.А. Комментарий к статье 16.1 ГК РФ / А.А. Ягельницкий, А.А. Маркелова // Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / ответственный редактор А.Г. Карапетов. Москва : Статут : М-Логос, 2020. 1469 с.

References

1. Batool, A. Window Views: Difference of Perception during the COVID-19 Lockdown / A. Batool, P. Rutherford et al. // The Journal of the Illuminating Engineering Society. 2021. Vol. 17. Iss. 4. P. 380–390.
2. Marcus T.A. The Function of Windows — A Reappraisal / T.A. Marcus // Building Science. 1967. Vol. 2. Iss. 2. P. 97–121.

Павлова

Маргарита Сергеевна,доцент департамента систем
судопроизводства и уголовного права
факультета права Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
кандидат юридических наук
marga-pavlova@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-9-19-23

Практика применения судами общей юрисдикции норм об оспаривании нормативных правовых актов*

В настоящей статье автором анализируется судебная практика последних лет в области рассмотрения и разрешения дел об оспаривании нормативных правовых актов. Так, рассмотрены проблемы тождества судебных постановлений и пределов полномочий судов при проверке законности нормативных правовых актов; исследована практика применения судами нормы об отказе заявителя от своего требования; приведены примеры судебных решений, иллюстрирующих различные подходы судов к определению момента, с которого нормативные правовые акты признаются недействующими; изучена позиция судов по вопросу оспаривания актов, утративших юридическую силу, отмененных и прекративших свое действие.

Ключевые слова: судебная практика, дела об оспаривании нормативных правовых актов, решение суда, тождество судебных постановлений.

Ежегодно судами общей юрисдикции рассматривается достаточно большое количество дел об оспаривании нормативных правовых актов, в связи с чем представляет интерес опыт применения гл. 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ)¹.

1. Проблема тождества судебных постановлений

Тождество судебных постановлений определяется по трем элементам: предмет, основания и стороны судебного спора. В случае, если законность нормативного правового акта была проверена и имеется соответствующее вступившее в законную силу решение суда, при оспаривании такого нормативного правового акта другими лицами, требования которых основаны на иных доводах, не являвшихся предметом обсуждения в суде первой инстанции, судья выносит определение об отказе в принятии административного искового заявления. Данные доводы могут быть приведены этими лицами при обжаловании решения суда².

Несмотря на судебную практику, сложившуюся еще до принятия КАС РФ, полагаем, в каждом конкретном случае обжалования акта другими лицами, требования которых основаны на иных доводах, не являвшихся предметом обсуждения в суде первой инстанции, следует подробно и комплексно анализировать и иные обстоятельства, являющиеся основанием к отказу в принятии административного искового заявления согласно ч. 1 ст. 128 КАС РФ. Так, нельзя исключать ситуацию, что новые доводы могут как обосновывать, так и не обосновывать незаконность нормативного правового акта в отношении иных лиц. С этой точки зрения примечательна позиция Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ), высказанная в уже утратившем силу Постановлении Пленума ВАС РФ № 58: если после рассмотрения дела изменилось законодательство, на соответствие которому проверялся акт, или требование связано с проверкой акта иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, на соответствие которому проверка такого акта ранее не осуществлялась, арбитражным судам следует принимать

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 февраля

2020 г. № 45-АПА19-36; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17 марта 2020 г. № 88а-3885/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

* Статья подготовлена с использованием справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

соответствующие заявления³. При этом необходимо проверить, затрагивает ли этот правовой акт права и законные интересы заявителя, действовал ли он или применялся в отношении него до момента вынесения решения суда по предыдущему делу, оспаривается ли акт полностью или его часть, которая не была предметом оспаривания в предыдущем деле, и т.д. Более того, Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) неоднократно подтверждал правовую позицию о том, что отказ в принятии заявления по делу, возникшему из публичных правоотношений, если имеется решение суда, принятое по заявлению о том же предмете и вступившее в законную силу, не предполагает отказа суда в принятии заявления об оспаривании нормативного правового акта, если основания, указанные в данном заявлении, отличаются от оснований, по которым судом ранее была проверена законность этого акта⁴.

Таким образом, в качестве альтернативы обжалованию решения суда *иными лицами*, ссылающимися на *иные доводы*, полагаем возможной подачу ими соответствующего заявления в суд первой инстанции, что, по нашему мнению, не противоречит ч. 1 ст. 210, п. 4 ч. 1 ст. 128 КАС РФ и не должно — без проверки необходимых обстоятельств по делу — рассматриваться как единственное и безусловное основание для отказа в принятии заявления, поскольку повторная подача невозможна только в случае тождественности требований, т.е. по тому же предмету и основанию.

³ Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 58 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании нормативных правовых актов» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июня 2006 г. № 230-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кехмана Бориса Абрамовича на нарушение его конституционных прав частью восьмой статьи 251 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2010 г. № 305-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Леуша Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав п. 1 ч. 1 ст. 134 и ч. 8 ст. 251 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» и др. // СПС «КонсультантПлюс».

2. Проблема оспаривания утративших юридическую силу, отмененных и прекративших свое действие нормативных правовых актов

По данному вопросу в судебной практике сформировался единый подход, коррелирующий правовой позиции КС РФ: проверка судом общей юрисдикции в порядке абстрактного нормоконтроля законности нормативных правовых актов, утративших силу к моменту обращения заинтересованного лица в суд, и признание их недействующими недопустимы вне связи с защитой каких-либо субъективных прав заявителя⁵.

Так, если на момент рассмотрения дела о признании нормативного правового акта недействующим его действие прекращено, такой акт рассматривается как уже реализованный, вследствие чего основанием для возникновения прав и обязанностей он не является, а следовательно, не может повлечь нарушения каких-либо прав и обязанностей, и суды при данных обстоятельствах выносят определения о прекращении производства по делу⁶. Однако если при рассмотрении дела в суде установлены применение нормативного правового акта в отношении административного истца или нарушение его прав, то утрата таким актом юридической силы или его отмена в период рассмотрения дела не могут служить основанием для прекращения производства по делу⁷. Таким образом, возможность оспорить утративший силу нормативный правовой акт сохраняется до тех пор, пока он непосредственно затрагивает права и законные интересы заявителя⁸. При этом отметим, что даже если акт отменен, но применялся к правоотношениям, возникшим

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2000 г. № 6-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 октября 2015 г. № 2473-0 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2016 г. по делу № АКПИ16-175; Определение Московского городского суда от 10 ноября 2016 г. по делу № 3А-1104/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 октября 2015 г. № ВКАПИ15-64; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 сентября 2015 г. № АКПИ15-731; Определение Магаданского областного суда от 6 сентября 2017 г. по делу № 3а-8/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2017 г. № 78-КГ17-61 // СПС «КонсультантПлюс».

до утраты им юридической силы, необходимо доказать факт сохранения свойств нормативности и факт нарушения таким формально прекратившим свое действие актом прав, свобод и законных интересов заявителя⁹. Если нормативный правовой акт в период своего действия не применялся к административному истцу, суд обязан прекратить производство по делу¹⁰.

Таким образом, в судебной практике сложился весьма позитивный подход, обеспечивающий восстановление прав с их последующей реализацией, который исходит из того, что возможность оспорить утративший силу нормативный правовой акт сохраняется до тех пор, пока он непосредственно затрагивает права и законные интересы лица: утрата актом юридической силы не является безусловным препятствием для реализации предусмотренного в ст. 46 Конституции Российской Федерации¹¹ права на судебную защиту. Наличие или отсутствие оснований для признания нормативного правового акта недействующим устанавливается в процессе судебного разбирательства.

3. В судебной практике сложились определенные требования к формулированию оснований административного искового заявления

Так, по одному из дел доводы заявителя, связанные с конкретными обстоятельствами применения оспариваемых норм, состояли в его несогласии с установленным правовым регулированием. Суд указал, что это не может являться основанием для удовлетворения исковых требований, поскольку, согласно КАС РФ, нормативные правовые акты проверяются только на соответствие акта федеральному закону или иному нормативному правовому акту, обладающему большей юридической силой¹².

4. По делам об оспаривании нормативных правовых актов важно правильно определить предмет проверки

Так, если речь идет об оспаривании не самого нормативного правового акта, а только положений, которыми вносятся изменения в такой акт, то суд обязан проверить законность положений, вносящих изменения в основные нормативные положения¹³.

В случае если нормативный правовой акт оспаривается частично, то административный истец вправе оспорить только ту часть акта, которая нарушает его права и которая применена к нему¹⁴.

5. Пределы полномочий судов при проверке законности нормативных правовых актов

В большинстве случаев суды буквально толкуют норму ч. 7 ст. 213 КАС РФ и проверяют не только положения нормативного правового акта, которые оспариваются заявителем, но и в полном объеме положения, указанные в ч. 8 ст. 213 КАС РФ¹⁵. Неприменение положений ч. 7 ст. 213 КАС РФ является существенным нарушением норм процессуального права¹⁶.

6. Отказ заявителя от своего требования (п. 2 ч. 2 ст. 214 КАС РФ)

Анализ судебной практики показывает, что это наиболее популярное основание прекращения производства по делу.

По общему правилу отказ заявителя от своего требования не обязывает суд во всех случаях выносить определение о прекращении производства по делу.

В своих решениях суды при толковании ч. 10 ст. 213 КАС РФ и п. 2 ч. 2 ст. 214 КАС РФ исходят из следующего: если отказ заявителя от своего требования противоречит закону, нарушает права других лиц, публичные интересы, суд не принимает отказ заявителя от своего требования и рассма-

⁹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28 ноября 2019 г. № 88А-970/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 августа 2019 г. № АКПИ19-446 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Решение Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2020 г. № АКПИ20-135 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 29 июля 2020 г. № 66а-721/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 22 февраля 2017 г. по делу № 33а-7186/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2017 г. № 9-АПГ17-23; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 октября 2015 г. № 87-АПГ15-5 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2016 г. № 83КГ16-1 // СПС «КонсультантПлюс».

тривает дело по существу¹⁷. Напротив, если судом установлено, что отказ лица от требований является добровольным, не противоречит закону и не нарушает права других лиц, связан с отсутствием спора о праве, публичные интересы, препятствующие принятию судом данного отказа, отсутствуют, тогда суд принимает отказ от требований¹⁸.

Отдельного внимания заслуживает категория «публичные интересы», которые не должны, согласно п. 2 ч. 2 ст. 214 КАС РФ, препятствовать принятию судом отказа заявителя от своего требования. При этом на практике проблема заключается в том, что суды в своих решениях преимущественно исследуют другие обстоятельства, упоминая о публичных интересах вскользь и ограничиваясь такими формулировками, как «публичные интересы, препятствующие принятию судом данного отказа, отсутствуют»¹⁹, «отсутствуют данные о том, что в данном деле присутствует публичный интерес» и др. Ярким исключением из данного подхода является Апелляционное определение Томского областного суда, в котором суд пришел к выводу об отсутствии публичных интересов в связи с введением в действие нового постановления, связав таким образом публичный интерес с законностью нормативного правового акта²⁰.

В юридической литературе категория «публичные интересы» неоднократно становилась предметом исследования, но единого подхода к определению данного понятия не сложилось²¹. Не вдаваясь в дис-

куссию, которая не является предметом настоящей статьи, полагаем, в целях единообразного правоприменения в процессуальных кодексах следует определить как минимум области и субъектов общественных отношений, в которых реализуются публичные интересы.

7. Часть 3 ст. 215 КАС РФ

Данная норма является новеллой КАС РФ. Так, с принятием Кодекса впервые в российском процессуальном законодательстве была предусмотрена возможность указания в мотивировочной и резолютивной частях судебного решения на несоответствие применения на практике оспариваемого нормативного акта или его отдельных положений истолкованию данного нормативного правового акта или его отдельных положений, выявленному судом с учетом места данного акта в системе нормативных правовых актов (ранее такое было возможно только в конституционном судопроизводстве)²². Речь идет о том, что суд указывает на несоответствие практики применения нормативного правового акта и его истолкования. При этом сам нормативный правовой акт не признается недействующим, а суд определяет только вектор по применению и толкованию данного акта.

8. Момент, с которого нормативный правовой акт признается недействующим

Суды по-разному определяют момент, с которого нормативный правовой акт признается недействующим.

Так, например, это может быть день вступления в силу соответствующего решения суда в законную силу, если нормативный правовой акт до вынесения решения суда применялся и на основании этого акта были реализованы права граждан и организаций²³. Однако это не означает, что до указанного момента данный акт являлся законным, и не свидетельствует о невозможности защиты нарушенным данным

стрировании неналоговых доходов региональных и местных бюджетов // Российский судья. 2019. № 12. С. 18–22; и др.

²² Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2019 г. № 43-АПГ18-13 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Решение Кемеровского областного суда от 2 июля 2019 г. № 3а-233/2019; Решение Ставропольского краевого суда от 2 августа 2019 г. № 3а-212/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 мая 2017 г. № 8-АПГ-17-2 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Определение Московского городского суда от 29 января 2016 г. по делу № 3а-117/20160; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2017 г. № 8-АПГ17-13 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Определение Московского городского суда от 15 декабря 2017 г. № 3а-3014/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Апелляционное определение Томского областного суда от 4 декабря 2015 г. по делу № 33а-3479/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Лупарев Е.Б. Поддержание баланса личных и публичных интересов в сфере государственного управления в свете Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Административное право и процесс. 2015. № 11. С. 49–52; Колесникова О.В. Защита публичного интереса как направление прокурорского надзора за исполнением законов при админи-

актом прав в период его действия. Такой акт не применяется также при разрешении споров, которые возникли из отношений, сложившихся в предшествующий такому решению период²⁴. Напротив, по одному из дел нормативный правовой акт был признан недействующим со дня его принятия, поскольку какие-либо права граждан и организаций не реализовывались, но при этом принятие такого акта обусловило произвольное прекращение выплаты пенсии за выслугу лет муниципальным служащим²⁵. Более того, на практике возможна ситуация, когда с учетом ограниченного срока применения оспариваемой нормы (как правило, в пределах одного-двух лет) последняя может быть недействующей также со дня принятия самого нормативного правового акта²⁶. В некоторых случаях суды исходят из того обстоятельства, что установление иной даты, чем день принятия нормативного правового акта, не устранил выявленные судом в ходе судебного разбирательства нарушения прав административного истца²⁷. Интересна позиция Томского областного суда по одному из дел: поскольку нормативный правовой акт не применялся в отношении граждан и иных лиц, кроме административного

истца, правовой акт был признан недействующим со дня его принятия²⁸.

Интересно рассмотреть подход судов по вопросу определения момента признания нормативного правового акта недействующим в зависимости от того, когда такой акт стал противоречить нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу. Так, если нормативный правовой акт был принят *ранее* нормативного правового акта, имеющего большую юридическую силу, он или его часть могут быть признаны недействующими со дня вступления в силу нормативного правового акта, имеющего большую юридическую силу, которому данный нормативный правовой акт / его часть стали противоречить. Если нормативный правовой акт был принят *позже* нормативного правового акта, имеющего большую юридическую силу, он может быть признан недействующим со дня вступления в силу оспариваемого нормативного правового акта²⁹.

В заключение отметим, что в некоторых случаях признанный судом нормативный правовой акт может не применяться с указанной судом даты. При этом само по себе признание нормативного правового акта недействующим не означает его отмены и лишения юридической силы с даты принятия акта: это свидетельствует только о признании его недействующим и о том, что он не применяется с момента вступления в силу решения суда³⁰.

²⁴ Апелляционное определение Омского областного суда от 14 июня 2018 г. по делу № 33-3600/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Решение Омского областного суда от 30 октября 2017 г. по делу № 3а-64/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Решение Самарского областного суда от 31 октября 2017 г. по делу № 3а-832/2017; Решение Самарского областного суда от 28 августа 2019 г. по делу № 3а-1558/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 октября 2019 г. № 84-АПА19-17; Решение Краснодарского краевого суда от 27 декабря 2016 г. № 3а-794/2016.

²⁸ Апелляционное определение Томского областного суда от 9 февраля 2018 г. по делу № 33а-199/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Колесникова О.В. Защита публичного интереса как направление прокурорского надзора за исполнением законов при администрировании неналоговых доходов региональных и местных бюджетов / О.В. Колесникова // Российский судья. 2019. № 12. С. 18–22.
2. Лупарев Е.Б. Поддержание баланса личных и публичных интересов в сфере государственного управления в свете Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации / Е.Б. Лупарев // Административное право и процесс. 2015. № 11. С. 49–52.

Мурзин**Дмитрий Витальевич,**доцент кафедры
гражданского права
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
agaety@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-9-24-28

Преломление материальных презумпций гражданского права при распределении бремени доказывания в виндикационном процессе

В статье рассматривается значение материальной (гражданско-правовой) презумпции наличия права собственности у владельца вещи. Раскрывается влияние этой презумпции в зависимости от степени ее опровержимости на сосуществование петиторной и по-сessorной защиты. В России наличие фактической презумпции права собственности у владельца движимой вещи позволяет в полной мере использовать виндикацию как способ защиты права собственности и одновременно не препятствует параллельному существованию владельческой защиты. В виндикационном (петиторном) процессе презумпция права собственности трансформируется в презумпцию отсутствия права собственности у истца, которая и опровергается им самим при доказывании им своего права. Ответчик предполагается незаконным владельцем на случай, если истец считается доказавшим свое право собственности. Для ответчика — приобретателя вещи от неуправомоченного отчуждателя существует презумпция недобросовестности. Опровержение презумпции недобросовестности осуществляется через раскрытие ответчиком своего титула.

Ключевые слова: презумпция, право собственности, виндикационный иск, владельческая защита, бремя доказывания, субъективная добросовестность.

В современной отечественной литературе по гражданскому праву и процессу демонстрируется устойчивый интерес к презумпциям как к общим категориям, а также к презумпциям в сфере добросовестности и др.¹ При этом презумпции наличия права собственности у владельца вещи уделяется недостаточное внимание, возможно потому, что эта презумпция считается само собой разумеющейся.

Истребование собственником своего имущества из чужого незаконного владе-

ния (ст. 301 Гражданского кодекса Российской Федерации², далее — ГК РФ) — виндикационный иск — рассматривается в гражданском праве как средство защиты права собственности, как спор о праве собственности³. В ходе этого спора истец должен доказать наличие у него законного титула — как правило, наличие права собственности. Ответчик может парировать доводы истца доказыванием факта своего законного владения. В связи с этим встает вопрос о соотношении подобного процессуального распределения бремени доказывания с презумпциями материального права.

Считается, что на стороне владельца существует презумпция права собственности. При этом в российском гражданском законодательстве начиная с советских времен эта презумпция не была закреплена. В советское время

¹ См., напр.: Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. М.: ИГиСП, 2013. 240 с.; Решетникова И.В. Презумпции и фикции в арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 16–28; Шухарева А.В. Значение добросовестности как принципа и презумпции в гражданском праве: проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 9–11; Барабаш А.С. Понятие «презумпция»: основания появления и использование в правовой деятельности // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 42–55; Зацепина О.Е. Классификация правовых презумпций // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 80–87.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

³ В соответствии со ст. 305 ГК РФ правом на виндикационный иск наделяются и иные титульные владельцы.

это объяснялось отсутствием института приобретательной давности и обоснованием в связи с этим презумпции государственной собственности⁴. В современном российском праве воссоздана приобретательная давность (ст. 234 ГК РФ), признается равенство всех форм собственности (ст. 212 ГК РФ). Однако вопрос о необходимости признания правопорядком презумпции наличия права собственности у фактического владельца не является однозначным.

Классическим выражением этой знаменитейшей презумпции считается норма ч. 1 ст. 2279 французского Гражданского кодекса (ФГК): «В отношении движимых вещей владение вещью равнозначно правооснованию»⁵. Это краткая редакция процессуальной нормы французского права, которая гласит: «Тот, кто владеет движимыми вещами, считается собственником; он не нуждается в каком-либо титуле, кроме владения»⁶. Считается, что в ст. 2279 ФГК закреплена так называемая неопровержимая презумпция.

В свое время А.В. Венедиктов отмечал, что в связи с нормой ст. 2279 ФГК «поссессорный процесс по отношению к движимостям вообще отпал»⁷, и делал общий вывод, что в правовых системах, где презюмируется право собственности у владельца движимых вещей и торжествует публичная достоверность записей в реестрах прав на недвижимость, владельческая защита «в значительной мере утратила практическое значение»⁸. М.В. Зимелева писала, что «при господстве правила ст. 2279 ФГК иск виндикационный в отношении движимостей

сливается с иском владельческим (называясь иском о движимости)»⁹.

В этой связи смысл презумпции в виде собственности может быть истолкован и таким образом: «Если два лица спорят о праве собственности на одну и ту же движимую вещь, то обязанность доказывания лежит на том, кто не владеет ею, а если доказать свое право ему не удастся, то *собственником провозглашается владелец (курсив мой. — Д.М.)*»¹⁰. В такой трактовке речь идет не столько о презумпции собственности, сколько о специальном основании приобретения права собственности (который зависит от такого случайного обстоятельства, как отказ в удовлетворении виндикационного иска, предъявленного непонятно кем). Так что российское законодательство, не закрепившее презумпцию собственности, остается в гордом одиночестве, быть может, неслучайно. Наличие фактической, но опровержимой презумпции права собственности у владельца движимой вещи позволяет в полной мере использовать виндикацию как способ защиты права собственности и одновременно не препятствует параллельному существованию защиты владения.

Сравнение виндикационного и владельческого исков показывает их общую черту — направленность на изъятие вещи из чужого фактического обладания. Функциональные же различия виндикационного и владельческого иска связаны со спором о праве. Поэтому обязанность доказывания истцом своего титула в виндикационном процессе направленно обличает отношения по истребованию имущества в форму виндикационного иска.

Проблемы, связанные с наличием презумпции права собственности у владельца, резко обостряются в том случае, когда

⁴ Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе // Избранное: Советский нотариат. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М.: Статут, 2005. С. 578.

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Удинцев В.А. История обособления торгового права // Избранные труды по торговому и гражданскому праву. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. С. 80.

⁷ Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность // Избранные труды по гражданскому праву. В 2 томах. Т. II. М.: Статут, 2004. С. 341.

⁸ Там же. С. 355.

⁹ Зимелева М.В. Война и право собственности // Советское право в период Великой Отечественной войны. Часть I. Гражданское право — Трудовое право / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. С. 49—50.

¹⁰ Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. 2-е изд. М.: Статут, 2016. С. 247. См. также: Трепицын И.Н. Приобретение движимостей в собственность от лиц, не имеющих права на их отчуждение. Варшава, 1907. С. 136.

правопорядок допускает владельческую защиту. Предвидя возврат владельческой (посессорной) защиты в российское законодательство, что предусматривается законопроектом, разработанным в ходе реформы гражданского законодательства¹¹, необходимо заранее разграничить презумпции «первого эшелона» в виндикационном и владельческом процессе.

В виндикационном (петиционном) процессе существует презумпция отсутствия права собственности у истца, которая и опровергается им при доказывании им своего права. В посессорном процессе на стороне истца существует презумпция права собственности, хотя считается что спор о праве не ведется. Такое перераспределение презумпций является одним из оснований, разграничивающих петиционную и посессорную защиту. При этом презумпция наличия права собственности у истца отражает современное понимание посессорной защиты как «упрощенной защиты права собственности».

В связи с дискусионностью вопроса в современной отечественной теории гражданского права с большой осторожностью говорят о наличии у ответчика по виндикационному иску презумпции права собственности. Вместо этого имеются попытки сформулировать презумпцию законности (правомерности) владения¹².

На истца в виндикационном процессе возлагается доказывание своего права собственности, но не незаконного владения ответчика. Однако А.В. Венедиктов отмечал, что «обычная презумпция владельца-ответчика» в виндикационном процессе сводится к требованию, «чтобы истец доказал свой иск»¹³. И уже возражением на доводы истца будет доказывание ответчиком своего титула. Нераскрытие

ответчиком своего титула в ответ на доводы истца имеет своим последствием подтверждение факта незаконного владения ответчика. Тем самым последствия недоказанности титула собственника или иного титульного владельца (арендатора и т.п.), у которого вещь не может быть истребована по виндикационному иску, падают на ответчика и выражаются в присуждении вещи истцу, доказавшему свое право собственности. В связи с этим следует прислушаться к мнению Г.А. Гаджиева: «Пока не состоится судебное решение в пользу добросовестного владельца, его состояние определяется как *незаконное (курсив мой. — Д.М.) добросовестное владение*»¹⁴. Поэтому при виндикации презумпция незаконности владения ответчика существует, но она является презумпцией «второго эшелона»: ответчик начинает предполагаться незаконным владельцем только тогда, когда истец доказал свое право собственности. Такая презумпция диктуется логикой виндикационного процесса.

В удовлетворении виндикационного иска будет отказано по основаниям, предусмотренным ст. 302 ГК РФ, главным из которых является добросовестность ответчика — приобретателя вещи у неуправомоченного отчуждателя. Факт добросовестного приобретения не очевиден ни для истца, ни для ответчика по виндикационному иску. Добросовестность приобретателя — это субъективная добросовестность: убежденность в незнании факта об отсутствии права собственности у отчуждателя. Презумпция добросовестности установлена в п. 5 ст. 10 ГК РФ для другой добросовестности — объективной (честность и открытость участников гражданских правоотношений)¹⁵. Как доказывается добросовестность приобретателя?

¹¹ Проект Федерального закона № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <http://privlaw.ru/povestka-47/> (дата обращения: 30.05.2021).

¹² См.: Скворцов О.Ю. Виндикационные иски в судебно-арбитражной практике. СПб., 1997. С. 25; Гражданское право: учебн. В 3 томах. Т. 1. 6-е изд. перераб. и доп. / отв. ред.: А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: Проспект, 2006. С. 568–569 (автор главы — А.П. Сергеев).

¹³ Венедиктов А.В. Указ. соч. С. 357.

¹⁴ Гаджиев Г.А. О субъективном имущественном праве добросовестного владельца // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права. Вып. 5. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 274.

¹⁵ См. абз. 3 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Когда ответчик решит воспользоваться ограничениями виндикации, установленными в пользу добросовестного приобретателя, он, естественно, должен будет доказать факт приобретения спорного имущества — этого уже может быть достаточно суду для выводов о наличии как добросовестности, так и недобросовестности. В интересах самого ответчика будет привести доводы, подтверждающие именно его добросовестность. Теория доверия к внешнему выражению фактов предполагает приведение приобретателем аргументов в пользу того, почему можно было этим фактам довериться. Данные аргументы не относятся к числу экстраординарных, поскольку основываются на достаточно формальных признаках видимости права. Ответчик доказывает свой статус усредненного субъекта права, т.е. то обстоятельство, что всякий доверился бы отчуждателю при сравнимых обстоятельствах. В данном случае ответчик доказывает положительные факты и исключительно в своих интересах. Надо признать, что возложение на ответчика обязанности раскрыть подобные факты полностью соответствует принципам гражданского судопроизводства (и, может быть, это даже не является бременем доказывания в строгом смысле¹⁶).

Отечественной правоприменительной практике связь добросовестности с раскрытием титула была знакома. М.В. Зимелева писала, что «в довоенные годы приобретатель обычно считался добросовестным, если у него не было прямой информации о том, что его контрагент не является собственником вещи... Добросовестность приобретателя презюмировалась. Если ответчик по виндикационному иску ссылался на то, что находящаяся в его владении вещь была им приобретена у такого-то лица

или при таких-то обстоятельствах, то *эта ссылка считалась достаточной для его защиты (курсив мой. — Д.М.)*¹⁷.

Отказ ответчика раскрыть свой титул позволяет суду методом исключения с большой вероятностью сделать вывод об этом ответчике как о недобросовестном владельце. Возможно, в условиях состязательного процесса допустима более жесткая формулировка: отказ в раскрытии титула приравнивается к свидетельствованию о недобросовестности незаконного владельца¹⁸.

Какие конкретно сведения должен раскрыть ответчик по виндикационному иску, чтобы можно было говорить о раскрытии им своего титула? Раскрыть титул — означает доказать наличие возмездного договора, во исполнение которого имущество было передано ответчику, что предполагает раскрытие всех обстоятельств приобретения имущества (в первую очередь имя отчуждателя и цену договора). В любом случае «недостаточно простого факта существования титула вообще, например договора о продаже; его необходимо всегда рассматривать в связи с обстоятельствами, среди которых он представляется»¹⁹.

Почему раскрытие титула позволяет разрешить вопрос о добросовестности или недобросовестности приобретателя? Определение того, является ли приобретатель добросовестным или недобросовестным, возлагается на суд. Суд, обсуждая раскрытый приобретателем титул, вынесет решение о добросовестности или недобросовестности приобретения, а решение «прежде всего сообразуется с несомненно существующей связью юридического титула с *bone fides*. Титул не только служит оправданием *bonae fidei*, но и действительным основанием, по которому судья должен допускать ее как факт, пока не будет доказано противное»²⁰.

¹⁶ Е.В. Васьковский писал: «Под «бременем доказывания» понимается необходимость для данной стороны установить обстоятельства, невыясненность которых может повлечь невыгодные для нее последствия. От «бремени доказывания» <...> следует отличать «бремя указывания» или «бремя утверждения», заключающееся в необходимости для стороны, которая заявляет требования или возражения, сослаться на обстоятельства, подтверждающие их». См.: Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 243.

¹⁷ Зимелева М.В. Указ. соч. С. 53–54.

¹⁸ См. подробнее: Мурзин Д.В. К вопросу о презумпции недобросовестности ответчика по виндикационному иску // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 4. С. 50–62.

¹⁹ Савиных Ф.К. Обязательственное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 462.

²⁰ Там же. С. 462.

Как представляется, в материальном праве должна быть признана презумпция субъективной недобросовестности. В процессуальном же плане речь идет о возложении на приобретателя обязанности раскрыть свой титул, и подобное распределение бремени доказывания является необходимым в виндикационном процессе.

Литература

1. Барабаш А.С. Понятие «презумпция»: основания появления и использование в правовой деятельности / А.С. Барабаш // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 42–55.
2. Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений : монография / Б.А. Булаевский. Москва : ИЗиСП, 2013. 240 с.
3. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права / Е.В. Васьковский. 2-е изд. Москва : Статут, 2016. 382 с.
4. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность / А.В. Венедиктов // Избранные труды по гражданскому праву. В 2 томах. Т. 2. Москва : Статут, 2004. С. 7–412.
5. Гаджиев Г.А. О субъективном имущественном праве добросовестного владельца / Г.А. Гаджиев // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права. Вып. 5 : сборник научных статей / редакторы: В.Ф. Попондопуло, О.Ю. Скворцов. Москва : Волтерс Клувер, 2005. С. 269–278.
6. Гражданское право. В 3 томах. Т. 1 : учебник / ответственные редакторы А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2006. 765 с.
7. Зацепина О.Е. Классификация правовых презумпций / О.Е. Зацепина // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 80–87.
8. Зимелева М.В. Война и право собственности / М.В. Зимелева. // Советское право в период Великой Отечественной войны. В 2 частях. Ч. 1. Гражданское право : Трудовое право / Н.Г. Александров, Г.Н. Амфитеатров, Г.И. Астрахан [и др.] ; под редакцией И.Т. Голякова. Москва : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. С. 10–64.
9. Мурзин Д.В. К вопросу о презумпции недобросовестности ответчика по виндикационному иску / Д.В. Мурзин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 4. С. 50–62.
10. Решетникова И.В. Презумпции и фикции в арбитражном процессе / И.В. Решетникова // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 16–28.
11. Савиньи Ф.К. Обязательственное право / Ф.К. Савиньи. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2004. 576 с.
12. Скворцов О.Ю. Виндикационные иски в судебно-арбитражной практике / О.Ю. Скворцов. Санкт-Петербург, 1997. 368 с.
13. Трепицын И.Н. Приобретение движимостей в собственность от лиц, не имеющих права на их отчуждение / И.Н. Трепицын. Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1907. 552 с.
14. Удинцев В.А. История обособления торгового права / В.А. Удинцев // Избранные труды по торговому и гражданскому праву. Москва : Центр ЮрИнфоР, 2003. С. 30–284.
15. Шухарева А.В. Значение добросовестности как принципа и презумпции в гражданском праве: проблемы теории и практики / А.В. Шухарева // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 9–11.
16. Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе / К.С. Юдельсон // Избранное: Советский нотариат. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. Москва ; Екатеринбург : Статут, 2005. С. 331–612.

**Сиразитдинова
Юлия Руслановна,**

преподаватель
кафедры гражданского
и административного судопроизводства
Российского государственного
университета правосудия (РГУП)
sirazitdinova92@bk.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-9-29-32

Раскрытие доказательств в административном судопроизводстве

В статье рассматриваются вопросы института раскрытия доказательств как элемента доказывания по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Дается наиболее оптимальное понятие раскрытия доказательств, под которым понимается деятельность субъектов доказывания по своевременному ознакомлению всех участников процесса со всеми документами, на которые они будут ссылаться как на основание своих доводов в процессе доказательственной деятельности в судебном заседании. Анализируя проблемы раскрытия доказательств, автор приходит к выводу, что в целях правильного и своевременного рассмотрения и разрешения административных дел требуется детальное закрепление в законодательстве порядка раскрытия доказательств.

Ключевые слова: доказательства, письменные документы, раскрытие доказательств, административное судопроизводство, представление доказательств.

Одним из больших изменений в сфере процессуального права стало принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ)¹. В основу административного процесса была положена гражданская процессуальная форма с учетом особенности дел, возникающих из публичных правоотношений. Субъекты, объекты и содержание такого процессуального правоотношения отличны от элементов гражданского процессуального правоотношения. С самого начала участники административных процессуальных правоотношений юридически неравны². Однако главным признаком, отличающим административное судопроизводство от гражданского, является особенность доказывания по различным категориям дел. К сожалению, некоторые элементы доказательственной деятельности в КАС РФ недостаточно регламентированы. Например, не урегулированы вопросы раскрытия доказательств. Под раскрытием необходимо понимать такие действия, благодаря которым документы

становятся известными другой стороне и она может ознакомиться с их содержанием.

В силу специфики административного судопроизводства в нем преобладают письменные доказательства, так как юридически важные события жизнедеятельности людей оформляются определенными документами. Объем раскрытия доказательств должен регулироваться судом в зависимости от конкретного дела. Роль суда на этом этапе ограничена властно-организационными полномочиями. Он не исследует и не оценивает доказательства, а только контролирует соблюдение сторонами обязанности по доказыванию и раскрытию доказательств³.

В настоящее время в административном судопроизводстве процесс раскрытия доказательств представляет собой элемент распределения бремени доказывания.

Согласно статье 135 КАС РФ, при подготовке административного дела к судебному разбирательству административный истец или его представитель передают административному ответчику копии документов, в которых содержатся доказательства, обосновывающие фактические основания административного

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

² Скиртович В.В. Судебная власть и административный акт: проблемы юрисдикционного контроля. Гродно: ГрГУ, 1999. С. 53.

³ Налоговые споры: особенности рассмотрения в арбитражных судах: науч.-практ. пособ. / под ред. И.А. Цинделиани. М.: РГУП, 2020. С. 31.

искового заявления. Оппонент, в свою очередь, совершает ответные действия.

Такая общая формулировка дает широкие возможности для судебного усмотрения. Например, если стороны не совершили обмен состязательными документами, то судья вправе предложить им направить их.

Полагаем, что представление доказательств должно сопровождаться, во-первых, направлением документов противоположной стороне — ведь особенность раскрытия доказательств состоит не только в обозначении наличия того или иного документа, но и в ознакомлении с его содержанием. Во-вторых, наличием последствий — запретом ссылаться на нераскрытые доказательства в дальнейшем.

В КАС РФ нет нормы, указывающей на обязанность раскрытия доказательства. Обращаем внимание, что ст. 135 КАС РФ устанавливает не обязанность раскрыть доказательства, а только способ их раскрытия — обмен доказательственными документами.

По мнению Э.М. Мурадяна, раскрытие доказательств — это процессуальный институт, роль которого заключается в обмене всеми без исключения доказательствами на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. При этом субъектами, на которых возложена обязанность по раскрытию, являются не только стороны, но и иные лица, участвующие в деле⁴.

М.Д. Олегов отмечает, что в арбитражном процессе раскрытие доказательств предполагает *обязанность* лиц, участвующих в деле, по ознакомлению всех участников процесса с доказательственными документами до судебного заседания⁵.

Так, в отличие от Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁶ и новой редакции Гражданского процессуального кодекса Российской Фе-

дерации⁷, положения ст. 135 КАС РФ выражают больше дозволение, чем обязанность стороны раскрыть доказательства на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. В данном случае процессуальная возможность ознакомления с доказательствами друг друга зависит от усмотрения оппонента⁸. Полагаем, что такой подход может привести к злоупотреблению процессуальными правами со стороны публично-правовых субъектов.

Например, в арбитражном процессе действует правило, согласно которому доказательства, не раскрытые лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания, и представленные на стадии исследования доказательств, должны быть исследованы арбитражным судом первой инстанции независимо от причин, по которым нарушен порядок раскрытия доказательств. Причины, по которым ранее не были раскрыты доказательства, могут быть учтены арбитражным судом при распределении судебных расходов⁹.

Именно поэтому следует согласиться с мнением ученых, считающих, что закрепление *обязанности* лиц, участвующих в деле, раскрыть доказательства, направлено на предотвращение сюрпризов, неожиданностей, которые недобросовестная сторона может преподнести оппоненту в ходе заседания¹⁰. Полагаем, необходимо возложить на публично-правовой субъект обязанность по раскрытию доказательств и дополнить ст. 62 КАС РФ следующим.

«Каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на ко-

(ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Павленко К.А. Общие вопросы доказывания в административном судопроизводстве. М.: Прометей, 2019. С. 66.

⁹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13 августа 2004 г. № 82 (ред. от 01.07.2014) «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Кудрявцева Е.В. Раскрытие доказательств в российском и английском гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 289.

⁴ Мурадян Э.М. Арбитражный процесс: учеб.-практ. пособ. М., 2004. С. 223–225.

⁵ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. М.С. Шакарян. М., 2003. С. 166.

⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ

торые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом, если иное не установлено настоящим Кодексом.

Если доказательства представлены с нарушением порядка, установленного настоящим Кодексом, в том числе с нарушением срока представления доказательств, установленного судом, суд может запретить стороне ссылаться на такие доказательства и наложить судебный штраф в порядке и в размерах, которые установлены гл. 11 настоящего Кодекса».

Также предлагаем дополнить ст. 122 КАС РФ следующим положением.

«Суд вправе наложить судебный штраф по делу на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами или не выполняющее своих процессуальных обязанностей, если это привело к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта»¹¹.

Благодаря обязанности по раскрытию доказательств все участники процесса к судебному заседанию приходят с полным осознанием фактических обстоятельств по делу.

Основываясь на вышесказанном, полагаем верным под раскрытием доказательств понимать деятельность субъектов доказывания по своевременному ознакомлению всех участников процесса со всеми документами, на которые они будут ссылаться как на основание своих доводов в процессе доказательственной деятельности в судебном заседании с целью правильного рассмотрения и разрешения административного дела судом в одном судебном заседании.

Значение имеет не просто своевременность раскрытия, а прежде всего степень этой своевременности. Считаем необходимым установить временные

рамки представления (раскрытия) доказательств. Так, раскрытие начинается на стадии возбуждения производства с подачей административного искового заявления (п. 3 ч. 1 ст. 126 КАС РФ — прилагаются документы, подтверждающие обстоятельства, на которых административный истец основывает свои требования) и должно завершаться определением о назначении дела к судебному разбирательству.

В зарубежном цивилистическом процессе используется модель досудебных протоколов. Допускаем, что ее можно использовать и в административном судопроизводстве. Например, административный истец при направлении административного искового заявления с приложениями административному ответчику должен прикладывать данный протокол, в котором он указывает все доказательства, на которые ссылается, перечень доказательств, которые намерен истребовать, и доказательства, которые в силу определенных обстоятельств будут представлены позже установленного срока. Административный ответчик при направлении возражений с приложениями должен приложить свой протокол.

В рамках подготовки административного дела к судебному разбирательству может проводиться предварительное судебное заседание. Как следует из ч. 2 ст. 138 КАС РФ, лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте проведения предварительного судебного заседания.

Судья на предварительном судебном заседании формирует общий протокол доказательств, куда вносит все доказательства из протоколов истца и ответчика, в том числе представленные суду, указывает, какие доказательства будут истребованы, и вносит доказательства, которые не представлены сторонами в данный момент, с указанием даты представления данных доказательств другой стороне и суду. Если не все доказательства из протокола представлены на предварительном судебном заседании, то судья выносит определение о назначении дела к судебному разбирательству, а не представившая доказательство сторона

¹¹ Сиразитдинова Ю.Р. Доказательства и доказывание в гражданском и административном судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ // Российское правосудие. 2020. № 4. С. 73–74.

должна направить оппоненту данное доказательство заблаговременно до судебного заседания, в противном случае сторона не сможет сослаться на данное доказательство в судебном заседании.

Ранее отмечалось, что суд вправе истребовать доказательства по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе. Ответ на такой запрос должен быть представлен в суд, и судья обеспечивает раскрытие данных документов путем исследования их в судебном заседании.

Как верно заметил П. Арчер, «значительный процент дел выигрывается либо проигрывается еще до того, как стороны приходят в суд, в зависимости от степени подготовленности доказательств на до-судебном этапе»¹².

Цель данного механизма состоит в том, чтобы каждая сторона заблаговременно узнала о преимуществах позиции своего оппонента, смогла подготовить грамотную правовую позицию и чтобы не происходило затягивание процесса

ввиду заявления ходатайств о приобщении дополнительных доказательств на стадии судебного разбирательства¹³.

Отдельное внимание следует уделить вопросу представления дополнительных доказательств, которые могут быть представлены непосредственно во время рассмотрения дела по существу. Полагаем, что такие доказательства могут быть приняты судом, если они объективно существовали в момент раскрытия доказательств, но не были и не могли быть известны ни сторонам, ни суду.

Таким образом, нормативное закрепление института раскрытия доказательств в административном судопроизводстве позволит суду с большей эффективностью решать возложенные на него задачи, будет мотивировать участников процесса к своевременному и надлежащему совершению процессуальных действий, ограничит злоупотребление процессуальными правами, позволит сформировать полную доказательственную базу по делу.

¹² Арчер П. Английская судебная система. М., 1959. С. 198.

¹³ Куприн С. Развитие института раскрытия доказательств // ЭЖ-Юрист. 2016. № 24. С. 16.

Литература

1. Арчер П. Английская судебная система / П. Арчер ; перевод с английского Л.А. Ветвинского ; под редакцией и с предисловием Б.С. Никифорова. Москва : Издательство иностранной литературы, 1959. 268 с.
2. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / ответственный редактор М.С. Шакарян. Москва : Проспект, 2003. 731 с.
3. Кудрявцева Е.В. Раскрытие доказательств в российском и английском гражданском процессе / Е.В. Кудрявцева // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 287–304.
4. Куприн С. Развитие института раскрытия доказательств / С. Куприн // ЭЖ-Юрист. 2016. № 24. С. 16.
5. Мурадян Э.М. Арбитражный процесс : учебно-практическое пособие / Э.М. Мурадян. Москва : Юринформцентр, 2004. 469 с.
6. Налоговые споры: особенности рассмотрения в арбитражных судах : научно-практическое пособие / под редакцией И.А. Цинделиани. Москва : РГУП, 2020. 364 с.
7. Павленко К.А. Общие вопросы доказывания в административном судопроизводстве / К.А. Павленко. Москва : Прометей, 2019. 128 с.
8. Сиразитдинова Ю.Р. Доказательства и доказывание в гражданском и административном судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ / Ю.Р. Сиразитдинова // Российское правосудие. 2020. № 4. С. 72–76.
9. Скиртович В.В. Судебная власть и административный акт: проблемы юрисдикционного контроля / В.В. Скиртович. Гродно : ГрГУ, 1999. 233 с.

Дегтярев Сергей Леонидович, профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета (УрГЮУ), профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук ds1001@mail.ru

Андреев Александр Владимирович, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, полковник полиции, кандидат юридических наук avtor@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-9-33-38

Новые вопросы доказывания убытков в условиях цифровизации

Появление новых цифровых прав в законодательстве и существующей судебной практике требует более тщательного изучения этих понятий и определения действенных механизмов их защиты, основным из которых выступает возмещение убытков. Поэтому в статье рассматриваются вопросы расширения предмета доказывания по делам возмещения убытков в случае нарушения цифровых прав субъектов гражданских правоотношений.

Ключевые слова: предмет доказывания, возмещение убытков, цифровые права, цифровые доказательства.

Цифровизация общества, общественных отношений, права и правовых отношений в настоящее время является центральным пульсирующим вопросом, требующим все новых и новых ответов во всех сферах жизни современного общества, в том числе и при отправлении правосудия. Наиболее актуальными остаются вопрос о возможности защиты в новой информационной цифровой среде прав и законных интересов участников этого цифрового пространства, а также вопросы выбора правовых средств, способов защиты этих прав и законных интересов. В первую очередь взгляд падает на такой давно себя зарекомендовавший и на деле оправдавший способ защиты нарушенных прав и законных интересов, как возмещение убытков.

Выбор этот неслучаен, так как именно возмещение убытков является самым универсальным, самым общим и наиболее часто встречающимся способом правовой защиты. Более того, характеристики и признаки возмещения убытков как меры гражданско-правовой ответственности говорят сами за себя еще со времен римского права. Наибольшую привлекательность и популярность этому способу защиты гражданских прав среди названных в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее — ГК РФ) придают следующие преимущества.

Прежде всего, **универсальность применения** — основанием для возмещения убытков могут служить любые нарушения в сфере договорных и внедоговорных отношений, а также правомерные действия причинителя вреда, если это прямо предусмотрено в законе (договоре). Если не говорить только об уже существующих понятиях виртуальной реальности, дополненной реальности и т.п. и царящих в них правилах и законах, то можно сложившуюся или, точнее, складывающуюся информационную цифровую реальность сравнить с одной из природных стихий, которые пришлось осваивать человечеству в связи с появившимися новыми техническими и технологическими возможностями.

Например, появилась возможность перемещаться по воде и в ее толще, появилась необходимость в упорядочивании такого движения — создано морское право; возможность перемещаться в воздухе — необходимость упорядочивания движения — воздушное право; возможность перемещаться в космосе — формирование космического права и т.д. Таким образом, появление интернета как новой технологии вслед за радио, телеграфом и телевидением является только очередным шагом в развитии цивилизации, общества и права, отсюда постижение интернет-пространства следует рассматривать как постижение человеческой цивилизацией очередной «природной» стихии, которая в своей сущности является все же рукотворной.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

Соответственно, возмещение убытков будет являться на первых этапах освоения интернета обществом и отдельным человеком наиболее востребованным способом защиты нарушенных прав и законных интересов как уже известных современному праву, так и новых цифровых прав, объективно появляющихся в этой новой стихии.

Подтверждением вышесказанному является следующее. Необходимо заметить, что мы живем в эру правовых статей «прим» или в эру с обозначением статей количественным значением в примечании во всех практически законах и кодексах, которые отражают появление новых отношений, требующих нового регулирования в праве, с одной стороны. С другой стороны, эти нововведения не столь революционны по своему значению для соответствующей отрасли, института и нормы права, потому что требуют не столько введения новой нормы, института, федерального закона, сколько уточнения с помощью появления статьи «прим». Все это свидетельствует о том, что подобные правовые явления действующему правовому порядку уже известны, в достаточной мере разработаны, однако нуждаются в каких-либо уточнениях с помощью указанных норм в статьях «прим».

Следующими аргументами в пользу избрания способа защиты нарушенных прав и законных интересов в виде возмещения убытков в цифровой среде (стихии) являются их компенсационный характер и применяемый **принцип полного возмещения убытков**. Потерпевшая сторона всегда может рассчитывать на возмещение ей правонарушителем всех понесенных потерь имущественного характера, но не более того. Правда, только при доказанности истцом всего состава материального правонарушения — говоря процессуальным языком, обстоятельств, составляющих ядро предмета доказывания по делу, которых традиционно четыре: факт причинения имущественного вреда, негативные материальные последствия у потерпевшего (через размер убытков), прямая причинно-следственная связь между ними и вина при-

чинителя вреда при необходимости ее доказывания. Нельзя, правда, забывать, что принцип полного возмещения убытков одновременно является и ограничителем такого размера, другими словами, потерпевший не вправе рассчитывать на большее, нежели он потерял (ч. 3 ст. 393 ГК РФ), т.е. потерпевшая сторона не вправе обогатиться за счет возмещения ей убытков правонарушителем².

Существенным аргументом в пользу выбора способа защиты в виде возмещения убытков является действующее с 1 июня 2015 г. **положение п. 5 ст. 393 ГК РФ**, в котором устанавливается, что «суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства»³.

Возможность суда самостоятельно определять размер убытков при доказанности истцом всех остальных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, была предложена еще С.Л. Дегтяревым в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Доказывание убытков в арбитражном процессе»⁴ в 2000 г. в силу оценочных категорий, применяемых законодателем при конструировании института возмещения убытков, и сложности доказывания этих понятий на практике.

В настоящее время правило по определению судом размера убытков в соот-

² См. подробнее: Дегтярев С.Л. Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе : учеб.-практич. пособ. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2003. 200 с.

³ Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Дегтярев С.Л. Доказывание убытков в арбитражном процессе : дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 195 с.

ветствии с принципами справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства становится для суда только тогда обязанностью, когда самим истцом была уже предпринята попытка по доказыванию размера убытков с разумной степенью достоверности, но в силу объективных причин, установленных самим же судом, истец так и не смог доказать заявленный размер убытков.

Как мы видим, законодатель не только не уменьшил число оценочных категорий в институте возмещения убытков, но и существенно их добавил и расширил. Сейчас суду необходимо определять дополнительно к таким классическим обстоятельствам, как неправомерное деяние, убытки, причинно-следственная связь между ними, вина правонарушителя, также и разумную степень достоверности размера убытков, действие принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства при самостоятельном определении размера убытков. Более того, если речь идет о возмещении упущенной выгоды, то суду придется оценивать также **разумность** предпринятых кредитором для ее получения мер и сделанных с этой целью приготовлений (п. 4 ст. 393 ГК РФ) и т.д.

Таким образом, чем больше оценочных категорий закладывается в конструкцию института возмещения убытков в гражданском праве, тем большая ответственность ложится на судью, который должен все эти категории и понятия оценивать в силу своего внутреннего убеждения и закона при вынесении конкретного судебного решения. Отсюда большая требовательность как к самим кандидатам на должность судьи, так и к «инструментам», с помощью которых формируется «внутреннее убеждение» каждого судьи.

Наполнение вышеуказанных категорий содержанием происходит постоянно как отечественной правовой наукой, так и существующей судебной практикой⁵,

⁵ См. наиболее часто цитируемые в судебных решениях, например п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации

однако окончательный вывод всегда остается за каждым конкретным судьей, выносящим решение в каждом конкретном случае при рассмотрении конкретного дела о возмещении убытков.

Следует особо отметить, что цифровизация общества ставит новые вопросы перед правоприменителями при возмещении убытков, чем существенно расширяет предмет доказывания по делу, и, соответственно, число необходимых «новых» цифровых доказательств. К этим вопросам следует отнести следующие: какое конкретно цифровое право было нарушено; какие правоотношения существовали между пострадавшим (потерпевшим) и причинителем вреда — если обязательственные, то хотя бы договорные или внедоговорные; если эти правоотношения существовали, то с помощью каких «новых» средств доказывания и цифровых доказательств они могут быть доказаны стороной и установлены судом с учетом как минимум свойства допустимости этих доказательств.

При ответе на первый, казалось бы, простой вопрос — какое конкретно цифровое право было нарушено, — мы сталкиваемся с правовой неопределенностью этого понятия.

Цифровые права включены ст. 128 ГК РФ в число объектов гражданских прав, раскрытие же содержания цифровых прав дается в ст. 141.1 ГК РФ.

«Статья 141.1. Цифровые права»

1. Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе *обязательственные и иные права*, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами **информационной системы**, отвечающей установленным **законом** признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового

от 24 марта 2016 г. № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»; Пункт 63 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»; и др. // СПС «КонсультантПлюс».

права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом **возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу**. (Выделено нами. — С.Л., А.В.)

Однако вслед за профессором М.А. Рожковой предложим читателю не путать понятие «цифровые права» (digital rights) с «цифровым правом» (Digital Law) (отраслью права — у нас сейчас это «информационное право») и «цифровыми деньгами» (криптовалютой)⁶. Более того, М.А. Рожковой отмечается, что определение цифровых прав, данное в ст. 141.1 ГК РФ, не имеет никакого отношения к формирующейся в **международном праве концепции цифровых прав**, поэтому «понятие цифровых прав, определение которого дано в ст. 141.1 ГК РФ, надо рассматривать как *специальное отраслевое понятие, оторванное от упомянутой концепции*»⁷. Таким образом, по мнению М.А. Рожковой, понятие цифровых прав в гражданском праве Российской Федерации и понятие цифровых прав в международном праве существенно отличаются по своему содержанию⁸.

Что же относит международное сообщество к понятию цифровых прав и на каких площадках эти права уже сформированы? Последние — это, прежде всего, международные организации, профессиональные интернет-объединения (сети) и судебная практика международных судов, например ЕСПЧ.

Так, Михаилом Якушевым — заместителем директора Института права цифровой среды ВШЭ — в докладе на ПМЮФ-2021 указывалось, что в рамках ООН в 2004–2005 годах рабочей группой рассматривались два вопроса, связанных с цифровыми правами. Первый вопрос — что такое интернет, а второй — что такое право на управление интернетом. По первому вопросу пришли к выводу о том, что нет необходимости давать опре-

деление интернета, об этом все знают. По второму вопросу рабочая группа в июне 2005 г. указала, что «управление интернетом представляет собой разработку и применение правительством, частным сектором, гражданским обществом при выполнении ими своей роли общих принципов, правил, норм, процедур принятия решений и программ, регулирующих эволюцию и принятие интернета»⁹.

М.А. Рожкова отмечает, что зародившаяся в конце XX в. концепция цифровых прав на сегодняшний день окончательно не сформировалась и до настоящего времени в доктрине международного права не сложилось единого взгляда в отношении того, следует ли относить цифровые права к правам *первого поколения* (личные и политические права человека), *второго поколения* (социально-экономические и культурные права человека) или это принципиально *новое поколение прав*. По мнению самой М.А. Рожковой, цифровые права — это в большей степени только средства по реализации прав первого и второго поколения¹⁰. При этом в большинстве публикаций тщательному анализу подвергается так называемое базовое цифровое право — *право на доступ к интернету*, довольно часто комментируются различные аспекты *права на забвение*, а в последнее время в публикациях все чаще упоминается *право на защиту персональных данных*, тогда как остальные права, относимые к числу цифровых, не вызывают серьезного исследовательского интереса¹¹.

Следующим вопросом, требующим ответа и непременно входящим в предмет доказывания по делу, будет вопрос о наличии правоотношений между причинителем вреда и потерпевшим в цифровой среде. Как минимум необходимо будет определиться, договорные это отношения или внедоговорные, а если договорные, то режим какого договора к этим правоотношениям необходимо будет применять, и т.д.

⁶ Рожкова М.А. Цифровые права (digital rights) — что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? // Закон.ру. 2020. 17 августа.

⁷ Там же.

⁸ См. подробнее: Рожкова М.А. Цифровые права в контексте международного права // Закон.ру. 2021. 11 мая.

⁹ URL: <https://spblegalforum.ru/ru/channel/4?videolink=rfujnyco> (дата обращения: 28.05.2021).

¹⁰ Там же.

¹¹ См. подробнее: URL: https://zakon.ru/blog/2021/05/11/cifrovy_e_prava_v_kontekste_mezhdunarodnogo_prava (дата обращения: 28.05.2021).

И вот тут мы переходим к очень интересному вопросу — может ли гражданское процессуальное право, а не только судебная практика, быть источником для гражданского права либо как минимум формировать новые знания, из них составлять понятия и выходить на определения, которые в дальнейшем будут использованы в рамках гражданского права? Выясняется, что не только может, но и занимается этим постоянно, так как доказательственная деятельность всех субъектов, в том числе и суда, входит в предмет регулирования прежде всего гражданского процесса. Важно здесь отметить, что доказательственная деятельность или судебное доказывание это всегда мыслительная деятельность, мало того — это еще и познавательная деятельность, результатом которой становится всегда получение новых знаний для всех участников процесса, а прежде всего для суда, на момент возбуждения гражданского дела ничего не знающего ни об участниках процесса, ни о предмете спора, ни о спорных правоотношениях и вообще отношениях, сложившихся между участниками гражданского дела. Отсюда формируется знание не только о фактах, но и о законе, о понятиях, в нем содержащихся, причем не только у суда, но через судебные акты и у всех заинтересованных в получении этих знаний лиц.

Другими словами, мало записать в законе наличие цифровых прав у субъектов гражданского права, необходимы «огранка» этого понятия через институт доказывания и выход на определение, выявление всех их существенных признаков и т.д. Следует также заметить, что предлагаемые концепции определения цифровых прав через токен или ценную бумагу не нашли поддержки у законодателя и закрепления в ГК РФ. Фактически по содержанию ст. 141.1 ГК РФ это любые обязательственные, и, что смущает, любые «иные» права, существующие в цифровой среде по ее правилам, при этом все это должно соответствовать закону¹².

¹² См. подробнее дискуссию: Василевская Л.Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: правовые проблемы юридической клас-

сификации // *Хозяйство и право*. 2019. № 5 (508). С. 3–14; Головкин Р.Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления // *Вестник Владимирского юридического института*. 2019. № 2 (51). С. 163–166; Гонгало Б.М., Новоселова Л.А. Есть ли место цифровым правам в системе объектов гражданского права // *Пермский юридический альманах*. 2019. № 2. С. 179–192; Ковязина Н.М. *Гражданско-правовая защита: способы защиты и меры ответственности* : моногр. М. : МФЮА, 2019. 194 с. ; Лаптева А.М. *Правовой режим токенов* // *Предпринимательское право*. 2019. № 2. С. 29–32 ; Нестеров А.В. *О цифровых правах и объектах цифровых прав* // *Право и цифровая экономика*. 2020. № 1 (7). С. 11–16 ; и др.

Вход (появление) новых знаний о цифровых правах и их содержании на настоящий момент формируется именно через механизм доказывания гражданского процесса в широком его понимании. Объяснению механизма формирования этого нового знания были посвящены два доклада на XIV сессии Европейско-Азиатского правового конгресса, прошедшего в г. Екатеринбурге, «Новые реалии правосудия XXI века: пандемия и цифровизация» (руководитель экспертной группы — проф. Ярков В.В.). Доцент кафедры гражданского процесса УрГЮУ И.Н. Тарасов напомнил коллегам присущие праву сквозь призму философии и теории государства и права этапы появления знаний, трансформации познания (знаний) в понятия, а затем и в определения¹³. Доцент кафедры гражданского процесса УрГЮУ И.Н. Спицын в отношении того же явления очертил сферы такого формирования понятий — внутри права, внешняя среда и их заимствование, синтез этих понятий¹⁴. В отношении характеристики цифровых прав, цифровых правоотношений с точки зрения нового для общества освоения цифрового пространства следует отметить, что они являются для

¹³ Тарасов И.Н. Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» : доклад на ЕАПК (г. Екатеринбург 04.06.2021).

¹⁴ Спицын И.Н. Теоретические аспекты использования технологии искусственного интеллекта в судебном процессе : доклад на ЕАПК (г. Екатеринбург 04.06.2021).

права внешними проявлениями и требуют постепенного их осмысления и включения (синтеза) в правовую среду, следовательно появления на основе знаний правовых понятий и определений.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что в ближайшее время доказывание убытков, причиненных в цифровой сфере, будет в большей мере сконцентрировано на следующих вопросах: существуют ли цифровые правоотно-

шения между причинителем вреда и потерпевшим; существует ли субъективное цифровое право у потерпевшего лица; действительно ли оно было нарушено и др. Мало того, большинство из представляемых в процессе доказательств будут являться относительно «новыми» — цифровыми, что с неотвратимостью приведет к пересмотру в оценке свойств доказательств, особенно допустимости и достоверности.

Литература

1. Василевская Л.Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: правовые проблемы юридической классификации / Л.Ю. Василевская // *Хозяйство и право*. 2019. № 5 (508). С. 3–14.
2. Головкин Р.Б. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления / Р.Б. Головкин, О.С. Амосова // *Вестник Владимирского юридического института*. 2019. № 2 (51). С. 163–166.
3. Гонгало Б.М. Есть ли место цифровым правам в системе объектов гражданского права / Б.М. Гонгало, Л.А. Новоселова // *Пермский юридический альманах*. 2019. № 2. С. 179–192.
4. Дегтярев С.Л. Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе : учебно-практическое пособие / С.Л. Дегтярев. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2003. 200 с.
5. Дегтярев С.Л. Доказывание убытков в арбитражном процессе : диссертация ... кандидата юридических наук / С.Л. Дегтярев. Екатеринбург, 2000. 195 с.
6. Ковязина Н.М. Гражданско-правовая защита: способы защиты и меры ответственности : монография / Н.М. Ковязина. Москва : МФЮА, 2019. 194 с.
7. Лаптева А.М. Правовой режим токенов / А.М. Лаптева // *Предпринимательское право*. 2019. № 2. С. 29–32.
8. Нестеров А.В. О цифровых правах и объектах цифровых прав / А.В. Нестеров // *Право и цифровая экономика*. 2020. № 1 (7). С. 11–16.
9. Рожкова М.А. Цифровые права (digital rights) — что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? / М.А. Рожкова // *Zakon.ru*. 2020. 17 августа.
10. Рожкова М.А. Цифровые права в контексте международного права / М.А. Рожкова // *Zakon.ru*. 2021. 11 мая.
11. Спицын И.Н. Теоретические аспекты использования технологии искусственного интеллекта в судебном процессе : доклад на XIV сессии Европейско-Азиатского правового конгресса «Право как ценность» (г. Екатеринбург, 3–4 июня 2021 г.) / И.Н. Спицын.
12. Тарасов И.Н. Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» : доклад на XIV сессии Европейско-Азиатского правового конгресса «Право как ценность» (г. Екатеринбург, 3–4 июня 2021 г.) / И.Н. Тарасов.

Ярков

Владимир Владимирович,
заведующий кафедрой гражданского
процесса Уральского государственного
юридического университета,
член научно-консультативного совета
Федеральной службы судебных приставов
и научного совета Международного союза
судебных исполнителей,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
yarkov5995@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-9-39-43

Гармонизация в сфере цифрового исполнения: новый проект МССИ*

Статья посвящена вопросам гармонизации исполнительного производства и деятельности судебного исполнителя в сфере цифрового исполнения. Показана роль Международного союза судебных исполнителей в гармонизации исполнительного производства. Автор раскрывает структуру и основные положения проекта Всемирного кодекса цифрового исполнения, а также показывает его значимость для совершенствования российского исполнительного производства.

Ключевые слова: цифровизация, исполнительное производство, судебный исполнитель, Международный союз судебных исполнителей, Всемирный кодекс цифрового исполнения.

Тенденции гармонизации и унификации в сфере права. Одной из ключевых тенденций развития системы гражданского процессуального и гражданского исполнительного права является постепенное сближение правил и процедур. Так, первый доклад о сближении процессуального права государств Европейского союза был подготовлен под руководством профессора Университета Гента (Бельгия) М. Сторма в 1992 г.¹ Проявление тенденций к сближению правовых систем стало отмечаться специалистами нашей страны применительно к отдельным институтам и правилам процессуального права².

Такое сближение процессуальных систем можно увидеть на нескольких уровнях и в разных регионах нашей планеты. Проявляется оно в форме унификации путем выработки общих наднациональных процессуальных правил и гармонизации посредством сближения правовых систем разных стран на основе общих принципов. Примером гармонизации гражданского процессуального законодательства являются Принципы и Правила трансграничного гражданского процесса, в которых совмещены ключевые инсти-

туты гражданского процесса системы континентального и общего права³.

Гармонизация в сфере исполнительного производства. В сфере международного исполнительного производства в наибольшей степени унифицированы правила взаимного признания и приведения в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений. Так, Конвенция ООН 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений унифицировала правила международного оборота решений международных коммерческих арбитражей. В 2019 г. в рамках Гаагской конференции по международному частному праву была принята Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и коммерческим делам. Известны примеры других договоров по вопросам международного оборота решений государственных судов, в том числе и с участием нашей страны.

В сфере национального исполнительного производства процессы гармонизации также проходят, но до недавнего времени в более ограниченных масштабах. С одной стороны, мы видим увеличение взаимодействия отдельных национальных

¹ Storme M. (ed.) *Approximation of Judiciary Law in the European Union*. Kluwer, 1994. 244 p.

² См., например: Решетникова И.В. *Доказательственное право США и Англии*. М.: Городец, 1999. С. 37–48.

³ См.: *Принципы трансграничного гражданского процесса / пер. с англ. Е.А. Виноградовой и М.А. Филатовой*. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 240 с.

* Статья подготовлена и публикуется в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-29-16070 «Информационные технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия».

систем принудительного исполнения с целью выработки общих стандартов деятельности, развития профессии в национальном и глобальном масштабах. С другой стороны, сохраняется дифференциация организации профессии и статуса судебного исполнителя⁴. Различия национальных систем определяются историческими и культурными традициями, особенностями функционирования конкретной правовой системы.

Между тем сравнение моделей построения и функционирования систем принудительного исполнения в различных государствах крайне важно. К тому есть немало причин прагматического характера, во многом коренящихся в экономике и необходимости эффективного правового регулирования и стимулирования развития экономической жизни.

Поэтому имеется необходимость в документах обобщающего характера, в которых, исходя из универсального статуса судебного исполнителя как лица, несущего публичную службу, определялись бы основные положения статуса и деятельности судебного исполнителя с целью гармонизации национальных законодательств. В результате появляются общие стандарты в сфере исполнительного производства для обеспечения юридической безопасности в обществе и экономике.

Международный союз судебных исполнителей (МССИ). Ключевую роль в выработке общих стандартов принудительного исполнения играет Международный союз судебных исполнителей (l'Union Internationale des Huissiers de Justice — UIHJ)⁵ как международная организация, которая активно развивает профессию судебного исполнителя во всем мире.

⁴ См. о различных системах организации исполнительного производства и статуса судебного исполнителя: Hess B. Comparative analysis of the national reports // Enforcement Agency. Practice in Europe. London, 2005. P. 31–36; Yarkov V. Principaux modèles d'exécution forcée: le problème de choix dans les pays de l'ex-URSS // Droit et procédure. La revue des huissiers de justice. 2007. № 5. P. 13–15.

⁵ См. сайт МССИ. URL: <http://www.uhj.com>. См. также: Ярко В.В. Исполнительное производство в государствах — членах Международного союза судебных исполнителей (отдельные тенденции) // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 7. С. 25–29; № 8. С. 32–37.

На сегодня членами МССИ являются 89 национальных организаций судебных исполнителей с четырех континентов⁶. При этом МССИ объединяет национальные организации судебных исполнителей независимо от характера организации системы принудительного исполнения. В частности, Федеральная служба судебных приставов (ФССП) является полноправным членом МССИ, а в мае 2017 г. в рамках работы Санкт-Петербургского международного юридического форума в нашей стране прошло первое заседание постоянных органов МССИ — исполнительного комитета и постоянного совета.

МССИ имеет статус неправительственной организации. Главными задачами МССИ являются: развитие профессии судебного исполнителя; укрепление профессиональных связей между судебными исполнителями всех стран; проведение сравнительного анализа законодательств разных стран по статусу профессии и облегчение контактов посредством поддержания постоянных связей и обмена документацией; привлечение внимания государственных органов к необходимости присутствия в судопроизводстве судебного исполнителя, представление профессии в международных организациях и т.д. МССИ раз в три года проводит международные конгрессы, на которых обсуждаются актуальные вопросы организации и развития профессии и в целом исполнительного производства.

Основные результаты гармонизации в сфере исполнительного производства⁷. Среди самых разных документов в данной сфере на сегодня ключевое значение имеют следующие. В 2009 г. были приняты **Рекомендации Совета Европы по принудительному исполнению: руководство по применению (GuideLines on Enforcement CEREPJ 2009)**⁸. Большую роль в подготовке Рекомендаций сыграл МССИ, издавший также специальный комментарий

⁶ URL: <https://www.uhj.com/about-us-2/introduction>

⁷ См. краткий обзор: Ярко В.В. Гармонизация права в сфере исполнительного производства: основные этапы // Служение праву. Памяти профессора В.А. Туманова посвящается: сб. ст. / под ред. Д.А. Туманова и М.В. Захаровой. М.: Статут, 2017. С. 423–431.

⁸ URL: <https://rm.coe.int/16807473cd>

к ним⁹. Данные Рекомендации 2009 г. являются первым опытом «мягкой» кодификации правил исполнительного производства с целью выявления общих принципов и начал принудительного исполнения. GuideLines 2009 г. представляют собой подробный и четко структурированный документ, раскрывающий основные требования к принудительному исполнению, организации исполнительного производства и профессии судебного исполнителя, независимо от его статуса.

Другой акт в сфере исполнительного производства — **Глобальный кодекс принудительного исполнения** (Global Code of Enforcement / Code Mondial de l'exécution)¹⁰ — был принят в июне 2015 г. на XXII Всемирном конгрессе МССИ. Кодекс является примером «мягкого» права и соединяет в себе наиболее общие принципиальные положения в сфере исполнительного производства, которые характерны и присутствуют в национальных системах исполнительного производства отдельных стран.

Проект Всемирного кодекса цифрового исполнения. МССИ с активным участием членов его научного совета подготовил проект нового Всемирного кодекса цифрового исполнения (World Code of Digital Enforcement / Code Mondial de l'Exécution Digitale). Предполагается его рассмотрение и принятие на очередном XXIV Всемирном конгрессе МССИ, который должен состояться в ноябре 2021 г. Подготовка проекта Кодекса включала в себя представление каждым из членов научного совета обобщений национального законодательства и некоторых сопредельных государств в сфере цифровизации исполнительного производства и деятельности судебных исполнителей, а также подготовку предложений по содержанию самого проекта. Состоялось несколько обсуждений положений проекта в рамках научного совета МССИ для уточнения

его ключевых положений и выявления возможностей совершенствования.

Причины и сама необходимость разработки такого нового модельного кодекса вполне очевидны. Цифровизация всех сфер юридической деятельности стремительно набирает темпы¹¹, и судебные исполнители сталкиваются с новыми вызовами в своей практической деятельности. В нашей стране идет достаточно быстрая цифровизация гражданского, арбитражного, административного судопроизводства и исполнительного производства, подготовлены два достаточно больших проекта реформ в данной сфере, в том числе готовится создание единого электронного реестра исполнительных документов, их передача в электронной форме из суда в службу судебных приставов.

Среди новых шагов по цифровизации исполнительного производства введены правила об электронном извещении, направлении документов в электронной форме, ФССП подключена ко всем основным публичным реестрам, содержащим сведения об активах должника. Кроме того, в Гражданском кодексе Российской Федерации¹² появились положения относительно цифровых прав (например, ст. 141.1), поэтому проект такого всемирного модельного Кодекса может быть очень полезен для использования при совершенствовании российского исполнительного производства.

В Преамбуле проекта Кодекса справедливо отмечается, что пандемия коронавирусной инфекции показала необходимость новых технологий для поддержания человеческих отношений, поскольку их реализация «лицом к лицу» уже невозможна. Для экономических субъектов использование цифровых технологий является существенным фактором, обеспечивающим поддержание экономической деятельности и ее восстановление после заключения. Для функционирования

⁹ Les Lignes directrices de la CEPEJ sur l'exécution: Un modèle pour le monde? Paris, Juris-Union // Institut Jacques Isnard. 2011. № 5.

¹⁰ См.: Глобальный кодекс принудительного исполнения / пер. с англ. и комм. А.А. Парфенчиковой. М.: Статут, 2016. 225 с.; Ярклов В.В. Глобальный кодекс принудительного исполнения как основа гармонизации исполнительного производства // Закон. 2017. № 7. С. 41–48.

¹¹ См. например, по этой теме: Брановицкий К.Л. и др. Цифровые технологии в цивилистическом процессе: некоторые тенденции и перспективы // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 52–95.

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

правосудия цифровые технологии позволяют гарантировать доступ к суду; для судебных исполнителей они являются эффективным средством принудительного исполнения исполнительных актов.

Поэтому проект Кодекса направлен на определение универсальных принципов, которые государства могут ввести в свое национальное законодательство для использования цифровых технологий при исполнении судебных решений и договоров. Проект Кодекса определяет принципы, применимые ко всем аспектам цифрового правоприменения в гражданских делах, а также охватывает новые этические обязательства, присущие использованию искусственного интеллекта в принудительном исполнении. Для того чтобы учесть новые цифровые активы, проект Кодекса устанавливает примерные процедуры ареста криптоактивов. Проект Кодекса во многом продолжает Глобальный кодекс принудительного исполнения, развивая систему «мягкого» права в сфере исполнительного производства.

Характеристика структуры и отдельных положений проекта Всемирного Кодекса цифрового исполнения. Проект Кодекса состоит из семи частей: общие принципы цифрового исполнения; право, применимое к принудительному исполнению; специфические принципы деятельности судебного исполнителя или исполнительного агента; процедура цифрового исполнения; исполнение в отношении цифровых активов; использование искусственного интеллекта при исполнении; правила ареста криптоактивов. Проект также включает в себя глоссарий основных понятий, которые используются в Кодексе, для целей лучшего его понимания и толкования, поскольку понятийный аппарат проекта Кодекса включает в себя как юридические, так и технические термины.

Среди общих принципов цифрового исполнения выделено соблюдение основных прав человека, этических принципов использования цифровых технологий, соразмерности, безусловного права на обращение в суд в случае конфликта, необходимости обеспечения сотрудничества участников исполнительного производства.

Довольно интересным является проект главы о праве, применимом к принудительному исполнению и юрисдикции в отношении цифровых активов. Вопрос достаточно сложный по самым разным причинам: как известно, есть разные концепции юрисдикции, отличающиеся в системах общего и континентального права. Главный вопрос в том, что у цифровых активов нет локализации, они нематериальны и, соответственно, не имеют связи с конкретной территорией. Поэтому возникают вопросы поиска юрисдикционных привязок и определения применимого права для ответа на следующие вопросы: какой стране принадлежит юрисдикция, нужна ли экзекватура для признания судебного акта и действий судебного исполнителя, если, к примеру, имеется решение суда одной страны, а цифровые активы обнаружены с территории другой страны.

Проект предлагает исходить из права той страны, где были обнаружены и/или идентифицированы цифровые активы, относя решение всех возникающих вопросов к юрисдикции суда данной страны. Относительно неопознанных цифровых активов проект предлагает исходить из права суда, который контролирует или вынес решение о принудительном исполнении.

Кроме того, территориальная компетенция судебного исполнителя для совершения исполнительных действий определяется по месту жительства должника. Полагаю, что, скорее всего, передача доступа к цифровым активам возможна только в рамках правовой помощи между государствами, например по Гаагской Конвенции о вручении судебных и несудебных документов 1965 г. либо иным договорам о правовой помощи.

Среди специфических принципов деятельности судебного исполнителя в сфере цифрового исполнения выделены: создание цифрового профиля судебного исполнителя, проведение онлайн-медиации, доступ судебного исполнителя к дематериализованным реестрам прав, необходимость защиты персональных данных и целый ряд других, определяющих правовые рамки действий судебного исполнителя. Например, в части третьей

проекта Кодекса определены, пусть и в общем плане, рамки использования дров в его деятельности.

Процедура цифрового исполнения по проекту кодекса включает в себя целый ряд исполнительных действий, которые потенциально могут быть совершены в рамках исполнительного производства. В заключительных частях проекта Кодекса раскрыты процедуры исполнения в отношении цифровых активов, использования искусственного интеллекта при исполнении, а также предложена примерная схема действий при аресте и обращении взыскания на криптоактивы.

Заключение. Подготовка проекта Кодекса является результатом напряженной работы МССИ в течение нескольких лет. Полагаю, что проект Кодекса очень

полезен как пример «мягкого» права, он позволит отдельным государствам на его основе разрабатывать и совершенствовать свои законы. Кодекс может быть также основой для создания международных конвенции в этой сфере, например в рамках Гагской конференции по международному частному праву или в более узких рамках других международных организаций. Проект Кодекса, несомненно, полезен для российского законодателя, доктрины и судебной практики как свод обобщенных стандартов цифрового исполнения в разных правовых системах нашей планеты. Поэтому нам остается с нетерпением ожидать заключительной редакции проекта, которая станет окончательной версией данного важного и значимого документа.

Литература

1. Брановицкий К.Л. Цифровые технологии в цивилистическом процессе: некоторые тенденции и перспективы / К.Л. Брановицкий [и др.] // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 52–95.
2. Глобальный кодекс принудительного исполнения / перевод с английского и комментарий А.А. Парфенчиковой. Москва : Статут, 2016. 225 с.
3. Принципы трансграничного гражданского процесса / перевод с английского языка Е.А. Виноградовой и М.А. Филатовой. Москва : Инфотропик Медиа, 2011. 240 с.
4. Решетникова И.В. Доказательственное право США и Англии / И.В. Решетникова. Москва : Городец, 1999. 284 с.
5. Ярков В.В. Гармонизация права в сфере исполнительного производства: основные этапы / В.В. Ярков // Служение праву. Памяти профессора В.А. Туманова посвящается : сборник статей / под редакцией Д.А. Туманова и М.В. Захаровой. Москва : Статут, 2017. С. 423–431.
6. Ярков В.В. Глобальный кодекс принудительного исполнения как основа гармонизации исполнительного производства / В.В. Ярков // Закон. 2017. № 7. С. 41–48.
7. Ярков В.В. Исполнительное производство в государствах — членах Международного союза судебных исполнителей (отдельные тенденции) / В.В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 7. С. 25–29.
8. Ярков В.В. Исполнительное производство в государствах — членах Международного союза судебных исполнителей (отдельные тенденции) / В.В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 8. С. 32–37.

References

1. Hess B. Comparative analysis of the national reports / B. Hess // Enforcement Agency. Practice in Europe / eds. by M. Andenas, B. Hess, P. Oberhammer. London : British Institute of International and Comparative Law (BIICL), 2005. P. 31–36.
2. Storme M.L. Approximation of Judiciary Law in the European Union / M.L. Storme. Kluwer Law International, 1994. 244 p.
3. Yarkov V. Principaux modèles d'exécution forcée: le problème de choix dans les pays de l'ex-URSS / V. Yarkov // Droit et procédure. La revue des huissiers de justice. 2007. Vol. 5. P. 13–15.

Романов Андрей Александрович,

старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса
Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
управляющий партнер
Консультационной группы «Верно»
andrey.romanov@vernogroup.ru

Хан Андрей Алексеевич,

юрист Консультационной группы «Верно»
khandreyal@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-9-44-47

Реабилитационные процедуры в несостоятельности (банкротстве) в доктрине и практике

Статья посвящена изучению вопросов регулирования реабилитационных процедур, предусмотренных специальным законодательством при разрешении дел о несостоятельности (банкротстве) организаций и граждан. Исследование основано как на доктринальных подходах, так и в сравнительно-правовом аспекте на основании опыта западноевропейских стран, права США и Великобритании.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, право, суд, процедуры, должник, кредитор, метод, реабилитация, граждане, организации, теория, практика, общее право, США, Великобритания.

С момента перехода СССР к рыночной экономике в начале 1990-х годов возникла необходимость в регламентации процедуры несостоятельности (банкротства), в целях регулирования которого в 1992 г. был издан Указ Президента Российской Федерации от 14 июня 1992 г. № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур»¹, а после принят и введен в действие Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»², который предусматривал только одну реабилитационную процедуру — внешнее управление. В дальнейшем в ходе развития экономических отношений появилась необходимость более детального урегулирования вопросов возможного восстановления платежеспособности должника, принятия современного на то время нормативного акта, регламентирующего процедуры несостоятельности (банкротства), в результате чего в 2002 г. был принят новый Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»³

(далее — Федеральный закон № 127-ФЗ), который предусматривал, помимо внешнего управления, новую реабилитационную процедуру для российского банкротного права — финансовое оздоровление.

Впервые более остро вопрос применения реабилитационных процедур стал подниматься в эпоху мирового экономического кризиса 2008 г., который был связан с дефолтом организаций во всем мире. Кризис продемонстрировал актуальность реабилитационных процедур. В частности, в Российской Федерации многие коммерческие организации в силу невозможности погашения своих долговых обязательств были вынуждены инициировать процедуры банкротства и последующую ликвидацию этих компаний, что послужило среди прочего причиной массовой безработицы и падения курса рубля.

Данный пример показал мировой общественности, как отсутствие развитой модели реабилитационных процедур в банкротстве негативно влияет на мировую и национальную экономику, а также позволяет сделать вывод о важности эффективных реабилитационных мероприятий, направленных на устранение причин банкротства, восстановление платежеспособности субъекта предпринимательской деятельности и, как следствие, на улучшение общего климата экономики государства. Поэтому в настоящее время многие

¹ Указ Президента Российской Федерации от 14 июня 1992 г. № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур» // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс» (утратил силу).

³ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп.,

вступ. в силу с 22.08.2021) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

страны заинтересованы в модернизации процедур банкротства, в том числе путем принятия нормативно-правовых актов в данной сфере.

Проблему реализации реабилитационных процедур отражает актуальная статистика. Так, за 2020 г. было введено только 23 процедуры финансового оздоровления и 150 процедур внешнего управления из 9931 признанных банкротами российских компаний. Доля реабилитационных процедур снизилась с 1,8% в 2019 г. до 1,7% в 2020 г., как и процент дел о признании должника банкротом, — но, как указывает специальный ресурс <https://fedresurs.ru>, этому поспособствовал мораторий на подачу заявлений о банкротстве компаний из пострадавших отраслей от пандемии COVID-19⁴. При этом вопрос о эффективности введенного моратория остается открытым.

Вышеприведенная статистика свидетельствует о наличии тенденции уменьшения введения реабилитационных процедур, так, в 2016 г. было назначено 372 процедуры внешнего управления и 52 процедуры финансового оздоровления, в то время как в 2020 г. было проведено 150 процедур внешнего управления и 23 — финансового оздоровления.

Таким образом, справедливо указать на то, что реабилитационные процедуры в российском банкротстве имеют нерабочую модель. Данное предположение подтверждает тот факт, что в 2020 г. Министерство экономического развития Российской Федерации подготовило реформу изменений реабилитационных мероприятий в проекте предполагаемых изменений в Федеральный закон № 127-ФЗ⁵.

В настоящее время Федеральный закон № 127-ФЗ предусматривает две формы реабилитационных процедур: внешнее управление и финансовое оздоровление.

⁴ Банкротство в России: итоги 2020 г. URL: <https://fedresurs.ru/news/e3fc79ce-fd38-432fab08-8c1561b1b7cb?attempt=1> (дата обращения: 13.04.2021).

⁵ Проект федерального закона Минэкономразвития России «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 12 марта 2020 г. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=100272> (дата обращения: 13.04.2021).

В силу ст. 75 Федерального закона № 127-ФЗ внешнее управление вводится определением арбитражного суда на основании решения собрания кредиторов, кроме тех случаев, которые предусмотрены законом⁶. Исключением являются случаи, когда арбитражный суд, несмотря на наличие признаков банкротства должника, может вынести определение о введении внешнего управления, если у арбитражного суда есть достаточные основания полагать, что платежеспособность должника может быть восстановлена.

Последствия введения внешнего управления предусмотрены ст. 94 Федерального закона № 127-ФЗ и включают в себя наступление следующих обстоятельств:

1. Прекращаются полномочия руководителя и иных органов управления должника, а также собственника имущества должника.

2. Отменяются ранее принятые меры по обеспечению требований кредиторов.

3. Требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, могут быть предъявлены к должнику только с соблюдением установленного Федеральным законом № 127-ФЗ порядка предъявления требований к должнику.

4. Вводится мораторий на удовлетворение требований кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законом № 127-ФЗ (ст. 95)⁷.

Российская Федерация является единственным государством, где есть процедура внешнего управления. Так, в Великобритании существует акт о несостоятельности 1986 г., который предусматривает подобную процедуру — управление имуществом. Такая процедура именуется административным управлением имуществом должника (*administrative receivership*)⁸. Однако отличие британской модели процедуры управления

⁶ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁷ Там же.

⁸ Virgos M., Garcimartin F. *The European Insolvency Regulation: Law and Practice*. Kluwer Law International, 2005. P. 126.

от российской заключается в том, что административное управление, по акту Великобритании «О несостоятельности», есть всегда контролируемый кредиторами процесс. В этой процедуре кредитор обладает всеми преимущественными правами требования на имущество должника, которые не были переданы в залог до введения в действие данной процедуры.

Следующее отличие британской модели управления имуществом должника от российской заключается в практически полном отсутствии судебного контроля, что, безусловно, делает восстановительный банкротный процесс более быстрым. Administrative receivership предполагает, что административный управляющий совершает следующие действия: направленные на продолжение деятельности и последующую реорганизацию перед продажей компании; ведущие к ликвидации и продаже имущества организации и всей компании в целом.

Американская модель, предусмотренная Главой II Кодекса США «О банкротстве»⁹, в отличие от акта Великобритании «О несостоятельности», содержит положение о том, что во время управления имуществом компания-должник может продолжать осуществлять свою деятельность, а также о том, что именно суд назначает управляющего по предложению кредиторов и должника (что, в принципе, отчасти созвучно и с аналогичными российскими предписаниями). В США управляющий является центральным участником процедуры управления имуществом, поскольку он может привлекать инвестиции для продолжения деятельности компании и приостанавливать реализацию истребования долгов в определенный период времени.

Во Франции рассматриваемая процедура действует в соответствии с актом Франции от 25 января 1985 г. и применяется абсолютно в любом деле о несостоятельности (банкротстве). Так, при подаче заявления о несостоятельности компании суд назначает управляющего, однако управляющий представляет публичный интерес государства. Управляющий по французской модели осуществляет

контроль за деятельностью компании с правомочием вмешательства со сроком до полутора лет. По окончании проведения контроля управляющий решает вопрос о ликвидации или продолжении осуществления деятельности с последующей выплатой по долгам¹⁰.

Франция, как и США, имеет должниковую модель внешнего управления, в которой применяют реорганизационные восстановительные мероприятия на ранних этапах банкротства, в отличие от прокредиторской модели в Российской Федерации и Великобритании, где внешнее управление возможно только после стадии наблюдения, что затягивает банкротный процесс и делает эту процедуру несвоевременной и неэффективной.

Федеральный закон № 127-ФЗ предусматривает дефиницию понятия финансового оздоровления — это процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику в целях восстановления его платежеспособности и погашения задолженности в соответствии с графиком погашения задолженности. Финансовое оздоровление вводится на срок не более двух лет.

В соответствии со ст. 76 Федерального закона № 127-ФЗ должник в установленном данным законом порядке вправе обратиться к первому собранию кредиторов, а в случаях, также предусмотренных этим законом, — к арбитражному суду с ходатайством о введении финансового оздоровления. При этом, согласно Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”», по решению собрания кредиторов финансовое оздоровление может быть введено арбитражным судом и без предоставления обеспечения по ходатайству учредителей (участников) должника¹¹.

В Китайской Народной Республике финансовое оздоровление регулируется

⁹ United States Bankruptcy Code (Кодекс США «О банкротстве») // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11>

¹⁰ Чернова М.В. Сравнительный анализ зарубежных процедур корпоративного банкротства // *Финансы и кредит*. 2008. № 46 (334). С. 62.

¹¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 29 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» // СПС «КонсультантПлюс».

гл. VIII Закона КНР «О банкротстве предприятий».

В соответствии со ст. 73 Закона КНР «О банкротстве предприятий» по ходатайству должника и при наличии одобрения суда должник вправе управлять имуществом и деятельностью под соответствующим контролем. При этом, если управляющий осуществляет управление имуществом и деятельностью должника, то он обязан передать должнику имущество и возможность осуществлять деятельность компании¹².

Кроме того, если проанализировать Закон КНР «О банкротстве предприятий», то можно прийти к выводу, что китайские нормативы о несостоятельности (банкротстве) являются заимствованными у российского (континентального) права.

В Германии действует Закон Германии «О несостоятельности», который содержит параграф 217, в свою очередь, посвященный финансовому оздоровлению. Данный закон предусматривает, что при осуществлении финансового оздоровления кредиторы получают платежи, которые возникают из прибыли в результате деятельности компании¹³. При этом немецкий законодатель старается минимизировать вмешательство административного управляющего в деятельность компаний-должника. Еще одна особенность, которая содержится в вышеназванном Законе Германии, состоит в том, что план финансового оздоровления могут разрабатывать кредиторы. Процедура в такой форме представляет возмож-

ность совершить два вывода: во-первых, немецкое банкротное законодательство стимулирует должника к самостоятельной подаче заявления о банкротстве и скорейшей разработке плана оздоровления компании; во-вторых, отражает политику сохранения бизнеса, пускай и на кредиторских условиях. Таким образом, можно сделать вывод о том, что немецкая модель финансового оздоровления действительно уравнивает положение и должника, и кредитора, вследствие чего будет справедливым указать, что немецкая модель имеет ряд преимуществ в сравнении с российской.

Резюмируя вышесказанное, можно сформулировать следующие суждения:

1. При проведении реформы процедуры несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации необходимо уменьшить контроль над деятельностью должника на стадии наблюдения и внешнего управления, как сделано в США, поскольку это может оказать действенное влияние на восстановление платежеспособности должника.

2. Необходимо предоставить возможность кредиторам участвовать в разработке плана финансового оздоровления и внести такое изменение в ст. 84 Федерального закона № 127-ФЗ, поскольку непосредственное участие в финансовом оздоровлении компании приведет к тому, что при финансовых затруднениях должник будет мотивирован самостоятельно предъявлять заявления о банкротстве в целях восстановления его финансового состояния, как аналогичным образом предусмотрено в Законе Германии «О несостоятельности».

При таких обстоятельствах, полагаем, институт несостоятельности (банкротства) российского права несомненно ожидают дальнейшие изменения с учетом развития общественных и экономических отношений, судебной практики, имплементации успешного иностранного правового опыта в российскую юридическую среду.

¹² 中华人民共和国企业破产法 (主席令第五十四号) (Закон КНР «О банкротстве предприятий» от 27 августа 2006 г.) URL: http://www.gov.cn/zhengce/2006-08/28/content_2602190.htm (дата обращения: 13.04.2021).

¹³ Insolvenzordnung / Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz (Закон Германии «О несостоятельности» от 20 ноября 2011 г.) URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/insolvenzordnung/> (дата обращения: 13.04.2021).

Литература

1. Чернова М.В. Сравнительный анализ зарубежных процедур корпоративного банкротства / М.В. Чернова // Финансы и кредит. 2008. № 46 (334). С. 62–66.

References

1. Virgos, M. The European Insolvency Regulation: Law and Practice / M. Virgos, F. Garcimartin. Kluwer Law International, 2005. 272 p.

Русакова Екатерина Петровна,

доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов (РУДН), кандидат юридических наук, доцент
gusakova-ep@rudn.ru

Ван Вэй,

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов (РУДН)
opewei1994@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-9-48-51

Гражданское судопроизводство с участием иностранных лиц в Китае*

По мере углубления процесса глобализации между странами происходит все больше и больше гражданских обменов, при которых неизбежно возникают различные гражданские споры с участием иностранных лиц. Китай является одним из участников многих международных объединений в различных сферах сотрудничества**. Судебная форма защиты прав является универсальной, гарантированной не только гражданам этой страны, но и любому лицу, находящемуся на территории Китая, поэтому очень важно обеспечить таким лицам возможность реализации их прав. В данной статье анализируются процессуальное законодательство КНР и правовое положение иностранных лиц, их юридический статус, подсудность судам, а также особенности признания и приведения в исполнение решений иностранных судов в КНР.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, иностранные лица, Гражданский процессуальный кодекс, подсудность судам, Китайская Народная Республика.

Современное гражданское процессуальное право большинства мировых правовых систем сталкивается с такими тенденциями реформирования, как упрощение процедуры судебного разбирательства, обеспечение справедливости и открытости судебного разбирательства, применение цифровых технологий и так далее¹. В процессе реформирования судебной и гражданско-правовой систем Китая не только сохранил свои традиционные философские идеи, но и заимствовал опыт западных стран.

Китайское процессуальное законодательство развивается почти три десятилетия. Со дня вступления в силу Гражданского процессуального кодекса КНР²

(далее — ГПК КНР или ГПК) от 9 апреля 1991 г. в него было внесено три поправки. В Разделе IV ГПК КНР основное внимание уделяется вопросам, связанным с гражданским судопроизводством с участием иностранных лиц, включая подсудность судам, поручение и вручение документов, арбитраж и взаимную правовую помощь. Стоит отметить, что с момента вступления ГПК КНР в силу в Раздел IV не было внесено серьезных изменений. Однако соответствующие положения гражданского судопроизводства с участием иностранных лиц в целом соответствуют современным судебным потребностям.

С точки зрения защиты прав человека в качестве одной из форм выражения прав человека ГПК КНР предоставляет иностранным лицам (иностранцы, лица без гражданства, иностранные предприятия и организации) равный юридический статус. Статья 5 ГПК КНР гласит, что иностранные лица вправе обращаться в народный суд наравне с китайскими. Но этот статус относителен: если страна, к которой принадлежит иностранное лицо, устанавлива-

¹ Русакова Е.П. Интегрирование современных цифровых технологий в судопроизводство Китайской Народной Республики и Сингапура // Государство и право. 2020. № 9. С. 102–109.

² Гражданский процессуальный кодекс КНР от 9 апреля 1991 г. (ред. от 27.06.2017) // Официальный веб-сайт Всекитайского собрания народных представителей КНР. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2012-11/12/content_1745518.htm

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI в.».

** Фролова Е.Е. Цифровизация и зеленое финансирование: новые тренды правового регулирования экономических отношений XXI век // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования : мат. Национ. науч.-практич. конф., посв. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и 90-летию со дня рождения д.ю.н., профессора Марка Семеновича Орданского. Уфа, 2020. С. 328–334.

ет ограничения на гражданское процессуальное право китайских лиц, то китайские народные суды также устанавливают ограничения в отношении иностранных лиц.

Адвокатская система является важной частью национальной судебной системы³, которая может применяться только в своей стране, а не за рубежом. Таким образом, адвокаты в основном могут заниматься судебным представительством в качестве адвоката только в судах своей страны, а не в иностранных.

Иностранные лица, участвующие в судебных процессах Китая в качестве истцов и ответчиков, вправе вести дело через процессуального представителя. Согласно статьям 528 и 529 Разъяснений верховного народного суда о ГПК КНР⁴, иностранные лица могут уполномочить на представительство сограждан или адвоката своей страны, однако ему не разрешается участвовать в судебном процессе в качестве адвоката. Стоит отметить, что иностранные лица могут быть представлены консулами соответствующих государств в соответствии с их полномочиями, однако консулы не смогут пользоваться дипломатическим иммунитетом и иными привилегиями в судах.

Дипломатический иммунитет является символом судебного сотрудничества между двумя странами. Статья 261 ГПК КНР предусматривает, что если страна, в которой иностранец пользуется дипломатическими привилегиями и иммунитетами, заключила соответствующие международные договоры с Китаем или участвовала в них, то гражданский иск против иностранца рассматривается в соответствии с положениями о дипломатических привилегиях и иммунитетах. Кроме этого, Верховный народный суд КНР дополнительно установил некоторых субъектов, пользующихся дипломатическими полномочиями⁵, и урегулировал, что по гражданскому делу, по-

данному в народный суд, в котором ответчиком или третьим лицом является любой из субъектов, пользующихся привилегиями или иммунитетом в КНР, народный суд, прежде чем принять решение о его принятии, должен передать его на рассмотрение высшему народному суду; если высший народный суд согласился на принятие, то он представит свои заключения в Верховный народный суд. Соответствующие положения показывают уважение к аккредитованным в КНР дипломатическим представителям иностранных государств и осторожность при разрешении споров с участием иностранных лиц.

Подсудность судам в отношении дел с участием иностранных лиц определяет правовую систему, в которой люди будут разрешать спор⁶. И в настоящее время в различных странах нет единого консенсуса в отношении определения подсудности судам⁷.

Определение подсудности гражданского спора имеет высокое политико-правовое значение. На практике в конкретных делах определение подсудности оказывает огромное влияние на результат судебного разбирательства. Результат может отличаться в зависимости от того, к какой юрисдикции относится суд. Также подсудность оказывает влияние на судебные решения, которые будут признаны и приведены в исполнение соответствующими иностранными судами или нет.

Подсудность дел судам общей юрисдикции КНР устанавливается нормами, объединенными в гл. 2 ГПК КНР. В разделе IV содержится отдельная гл. 24 «Подсудность», в которой закреплены дополнительные конкретные положения, основанные на общих правилах. Подсудность по иску, возбужденному в связи со спором по договору страхования, как гласит ст. 24 ГПК КНР, принадлежит народному суду по месту постоянного жительства ответчика или местонахождения объекта страхования.

Но согласно ст. 265 ГПК КНР, дела, которые связаны с договорными спорами

³ Ермакова Е.П., Русакова Е.П., Мендоса-Моллина С.В. Актуальные проблемы гражданского процесса: учебн. пособ. М., 2017. С. 15.

⁴ Разъяснения верховного народного суда о ГПК КНР от 4 февраля 2015 г. // Официальный веб-сайт Верховного народного суда КНР. URL: <http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-13241.html>

⁵ Notice of the Supreme People's Court on the Relevant Issues concerning the People's Courts to Accept Civil Cases Involving Privilege and Immunity, 2007.

⁶ Гроник И. Особенности правового регулирования цифрового судопроизводства в Республике Индонезии // Юридический мир. 2020. № 11. С. 54–57.

⁷ Кудрявцева Е.В. Производство по делам с участием иностранных лиц // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. 2013. № 4. С. 26.

и другими имущественными спорами, находятся в подсудности судов по месту подписания договора, месту исполнения договора, местонахождению объекта иска и местонахождению имущества. Цель данного положения состоит в том, чтобы расширить подсудность китайских судов в разрешении споров, которые связаны с международными коммерческими договорами и правом собственности в случае, когда место жительства (нахождения) ответчиков находится не на территории КНР.

Так же как в ст. 32 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁸, в ГПК КНР есть соответствующие положения о договорной подсудности, стороны могут выбрать по соглашению между собой территориальную подсудность для данного дела до принятия его судом к своему производству. Согласно ст. 34 ГПК КНР, Стороны спора о договоре или ином праве или интересе в имуществе могут по письменному соглашению избрать народный суд в любом месте, фактически связанном со спором. Это означает, что для применения договорной подсудности существуют ограничения по характеру дел, которые вытекают из договоров, или по иным имущественным спорам.

Что касается дел, подпадающих под исключительную подсудность, то в ГПК КНР предусмотрены только три вида дел, связанных с недвижимостью, портовыми операциями и наследованием имущества. Подсудностью этих типов дел обладают суды по местам нахождения недвижимости, нахождения портов и нахождения наследственного имущества.

Стоит отметить, что для применения соответствующих правовых положений о исключительной подсудности указанные в ст. 266 три типа исков должны иметь хотя бы одно из оснований: место исполнения контрактов на территории КНР или одна из сторон должны находиться в Китае⁹.

Также важными являются вопросы, связанные с оказанием правовой помощи, с поручением о вручении документов, доказательств, с признанием и приведением

в исполнение решений иностранных судов и т.д.¹⁰, которые регулируются гл. 27 ГПК КНР. Согласно статье 261, иностранные лица могут непосредственно или через иностранное государство обратиться в народный суд средней ступени с просьбой о признании и исполнении решений иностранных судов.

До конца 2020 г. Китаем были заключены двусторонние межгосударственные договоры о взаимном оказании гражданской правовой помощи с 38 государствами¹¹. Тридцать четыре из этих государств (Франция, Польша, Монголия, Румыния, Россия, Беларусь, Испания, Украина, Куба, Италия, Египет, Болгария, Турция, Казахстан, Кипр, Греция, Венгрия, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Марокко, Вьетнам, Тунис, Лаос, Литва, Северная Корея, ОАЭ, Кувейт, Бразилия, Аргентина, Перу, Алжир, Босния и Герцеговина, Эфиопия) заключили с Китаем соглашения о взаимном признании и исполнении судебных решений¹².

Для признания и исполнения решений иностранных судов в КНР применяются ст. 282 ГПК КНР и ст. 543–544 Разъяснений Верховного народного суда о ГПК КНР. В этих положениях предусмотрены форма, содержание и язык заявлений, сроки подачи и порядок рассмотрения судом заявлений, а также основания для положительного решения и т.д. При рассмотрении дела и наличия двусторонних межгосударственных договоров с указанными государствами народный суд КНР проверяет эффективность, законность и безопасность решения иностранных судов. Кроме этого, китайские суды еще рассматривают, имеют ли иностранные суды подсудность для рассмотрения данных споров. Конечно, китайские суды не вправе определять это с применением ГПК других государств, а просто рассматривают соответствующие дела на наличие или отсутствие исключи-

⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Wang Lei. On the Improvement of the Rules of Jurisdiction Agreements in Foreign Civil Procedure // Wuhan University International Law Review. 2018. Vol. 4.

¹⁰ Русакова Е.П. Рассмотрение частноправовых споров в странах БРИКС. М., 2018. 302 с.

¹¹ Фролова Е.Е. Механизмы действия инструментов денежно-кредитной политики Китая в первом десятилетии XXI века // Перспективы развития юридической науки, практики и образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе: мат. Междунар. науч.-практич. конф. Владивосток, 2015. С. 174–189.

¹² См.: Официальный сайт Министерства юстиции КНР. URL: http://www.chinalaw.gov.cn/Department/node_358.html.

тельной подсудности судам КНР. Если таковая имеется, то народные суды откажут в признании и приведении в исполнение вынесенных решений иностранных судов.

В случае, если Китай с соответствующими государствами не заключили договоры о взаимном оказании правовой помощи, то народные суды КНР также отказывают в признании и приведении в исполнение решения иностранных судов. Однако, согласно ст. 544 Разъяснений Верховного народного суда о ГПК КНР, решения иностранных судов о разводе данным правилом не ограничены. Таким образом, решения о разводе могут быть признаны без наличия договоров о правовой помощи, в соответствии с принципом взаимно-

сти¹³. Стоит отметить, что народные суды КНР ограниченно признают иностранные решения, касающиеся деления супружеского имущества, воспитания детей и т.д.

Заключение. В настоящее время судебная система КНР достигла относительных успехов в гражданском судопроизводстве. После внесения законодательных изменений правовой статус иностранных лиц в ГПК КНР стал более совершенным.

¹³ Ruskova E.P., Frolova E.E., Zankovsky S.S., Kupchina E.V. Problems of implementation of leadership in dispute resolution of the BRCS countries (on the examples of the Russian Federation, China, India) // 6th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities. 2019. P. 754–759.

Литература

1. Гроник И. Особенности правового регулирования цифрового судопроизводства в Республике Индонезия / И. Гроник // Юридический мир. 2020. № 11. С. 54–57.
2. Ермакова Е.П. Актуальные проблемы гражданского процесса : учебное пособие / Е.П. Ермакова, Е.П. Русакова, С.В. Мендоса-Молина. Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. 82 с.
3. Кудрявцева Е.В. Производство по делам с участием иностранных лиц / Е.В. Кудрявцева // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 2013. № 4. С. 26–35.
4. Русакова Е.П. Интегрирование современных цифровых технологий в судопроизводство Китайской Народной Республики и Сингапура / Е.П. Русакова // Государство и право. 2020. № 9. С. 102–109.
5. Русакова Е.П. Рассмотрение частноправовых споров в странах БРИКС / Е.П. Русакова. Москва : РУДН, 2018. 302 с.
6. Фролова Е.Е. Механизмы действия инструментов денежно-кредитной политики Китая в первом десятилетии XXI века / Е.Е. Фролова // Перспективы развития юридической науки, практики и образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе : материалы международной научно-практической конференции (г. Владивосток, 25 сентября 2015 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор О.Е. Шишкина. Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2015. С. 174–189.
7. Фролова Е.Е. Цифровизация и зеленое финансирование: новые тренды правового регулирования экономических отношений XXI век / Е.Е. Фролова // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования : материалы национальной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и 90-летию со дня рождения д.ю.н., профессора Марка Семеновича Орданского (г. Уфа, 10–11 апреля 2020 г.). В 2 частях. Ч. 1 : сборник научных статей / ответственный редактор Е.М. Тужилова-Орданская (Орданская). Уфа : Башкирский государственный университет, 2020. С. 328–334.

References

1. Ruskova E.P. Problems of implementation of leadership in dispute resolution of the BRCS countries (on the examples of the Russian Federation, China, India) / E.P. Ruskova, E.E. Frolova, S.S. Zankovsky, E.V. Kupchina // Abstracts & Proceedings of SOCIOINT 2019: 6th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities (Istanbul, 24–26 June 2019). Turkey : Ocerint, 2019. P. 754–759.
2. Wang Lei. On the Improvement of the Rules of Jurisdiction Agreements in Foreign Civil Procedure / Lei Wang // Wuhan University International Law Review. 2018. Vol. 4. URL: <http://ilr.whu.edu.cn/zxqk/dqml/2018-10-30/84.html>

**Демидова
Лариса Сергеевна,**
аспирант
Челябинского государственного
университета
avtor@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-9-52-55

Сравнительная характеристика видов производств в гражданском, арбитражном, административном процессе, а также при рассмотрении дел об административных правонарушениях

В данной статье изложена краткая сравнительная характеристика видов производств, содержащихся в процессуальных кодексах Российской Федерации, в частности таких как упрощенное производство, приказное производство, а также мнения различных авторов по данной теме. Кроме того, показаны некоторые проблемы, возникающие на практике в данной сфере.

Ключевые слова: упрощенное производство, приказное производство, судебное примирение, виды судопроизводств.

Согласно части 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации, судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства¹.

В настоящее время в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации² (далее — ГПК РФ) закреплены следующие виды производств: приказное производство, исковое производство, упрощенное производство, заочное производство.

Арбитражный кодекс Российской Федерации³ (далее — АПК РФ) содержит следующие виды производств: исковое производство; производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений (административное судопроизводство); особое производство; производство по делам о несостоятельности (банкротстве); производство по корпоративным спорам; упрощенное

производство; приказное производство; иные производства.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации⁴ (далее — КАС РФ) содержит следующие виды производств: производство по административным делам о вынесении судебного приказа, предъявление административного искового заявления, упрощенное (письменное) производство по административным делам.

Маркин С.В. отмечает, что после внесения изменений в ГПК РФ приказное производство в гражданском процессе стало более востребованным. До внесения последних изменений в ГПК РФ приказное производство в гражданском процессе являлось альтернативным способом защиты нарушенного права, т.е. заинтересованное лицо имело возможность выбирать, в каком порядке ему взыскивать денежные суммы или истребовать движимое имущество, — в порядке приказного или искового производства.

В арбитражном процессе, наряду с упрощенным производством, также появилось приказное производство. В арбитражном процессе приказное производство является альтернативным исковому, т.е. выбор остается за заинтересованным лицом, в каком порядке он может осуществлять защиту своего права.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). М.: Эксмо, 2021. Ст. 118.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

В административном судопроизводстве также появилось приказное производство, которое осуществляется только по требованию взыскателя о взыскании обязательных платежей и санкций⁵.

Относительно возможности вынесения судебных приказов на практике имеются свои плюсы и свои минусы.

Безусловно, при отсутствии спора о праве данное производство значительно упрощает работу суда. Вместе с тем при отсутствии у судьи возможности при принятии решения о вынесении судебного приказа проверить достоверность адреса должника, указанного взыскателем, возражения на судебные приказы не подаются должниками не по причине согласия с ними, а по причине того, что копии судебных приказов не получены должниками по различным причинам (например, отсутствие по месту жительства, указанному взыскателем, в связи с переездом, неверный адрес, недобросовестная работа почтальонов и т.п.), что приводит к тому, что должник узнает о вынесении судебного приказа уже после того, как на его счета наложен арест и сняты денежные средства, которые в последующем не всегда представляется возможность возвратить (в частности, когда взыскателями являются различные коллекторские организации-однодневки).

Родин Е. отмечает, что по ряду административных дел КАС РФ предусматривает упрощенное (письменное) производство, особенность которого заключается в том, что дело рассматривается судом лишь на основании письменных доказательств без вызова сторон. Административное дело может быть рассмотрено судом в порядке упрощенного производства, если все лица, участвующие в деле, заявили ходатайства о рассмотрении дела в их отсутствие либо ответчик не возражает против применения такого порядка рассмотрения административного спора, а также по делам о взыскании обязательных платежей и санкций в пределах 20 тыс. руб.

Помимо упрощенного (письменного) производства КАС РФ предоставляет возможность рассмотреть дело в неотложном порядке (п. 4 ст. 135) на основании ходатай-

ства административного истца или его представителя. В случае удовлетворения такого ходатайства суд обязан принять все необходимые для этого меры, направить участникам судебного разбирательства извещения, вызовы, копии определений в возможно короткие сроки с использованием любых технических средств связи, позволяющих контролировать их получение адресатом.

Стоит отметить, что в других кодексах нет аналогов рассматриваемой возможности. Кроме того, судебная практика по данному правилу еще не сформировалась⁶.

Постовалова Е.В., Шумейко Е.С. отмечают, что целью введения и развития упрощенных форм судопроизводства является процессуальная экономия, при этом упрощенные производства должны помочь и в реализации задачи по оптимизации судебной нагрузки, которую в качестве одной из основных обозначил VIII Всероссийский съезд судей. Также развитие упрощенных форм судопроизводства должно быть направлено на обеспечение права участников процесса на справедливое судебное разбирательство в разумные сроки⁷.

Борзенко Ю.А. указывает на то, что ряд судебных производств в арбитражных судах является достаточно сложным по своей структуре. Например, производство по делам о несостоятельности (банкротстве) распадается на несколько отдельных процедур: наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, мировое соглашение.

Таким образом, система арбитражного процессуального права носит сложный и многоуровневый характер, а сами судебные процедуры существенно дифференцированы по самым разным критериям — характер дела, предмет судебного рассмотрения, относительная бесспорность требования и т.д.⁸

Девятого февраля 2015 г. была принята Концепция единого Гражданского процес-

⁵ Маркин С.В. Приказное производство в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве: сходство и основные отличия // Вопросы российского и международного права. 2016. № 5. С. 113–122.

⁶ Родин Е. Новый Кодекс административного судопроизводства. В чем отличия от ГПК и АПК РФ // Арбитражная практика для юристов. 2016. № 3. С. 34–41.

⁷ Постовалова Е.В., Шумейко Е.С. Унификация упрощенных форм судопроизводства в гражданском процессе // Бизнес. Образование. Право. 2016. № 4 (37). С. 246–249.

⁸ Борзенко Ю.А. Арбитражное процессуальное право (Арбитражный процесс) : учебн. пособ. Новокузнецк : ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИИ России, 2014. 156 с.

суального кодекса Российской Федерации, в связи с чем Солопов Е.В. выделяет две основные существующие тенденции развития процессуального законодательства в Российской Федерации: объединение гражданского и арбитражного судопроизводства в единое производство; качественное обособление нового вида судопроизводства — административного. В случае такой полной унификации норм, общих для гражданского и арбитражного процесса, необходимо учитывать и возможные проблемы. Во-первых, законодательное закрепление «усредненного варианта» может негативно сказаться на каждом процессе в отдельности. На примере того же судебного приказа можно предположить, что меньшая максимальная стоимость требования в арбитражном процессе приведет к необходимости обращения в суд в порядке искового производства, что намного дороже, дольше по времени и юридически труднее. В свою очередь, рассмотрение требований в порядке приказного производства в гражданском судопроизводстве, которые ранее рассматривались бы исключительно в порядке искового производства, может привести к нарушениям прав и свобод должника, так как не гарантирует процессуального равенства и диспозитивности процесса. Во-вторых, еще сложнее унифицировать процессуальные институты, которым, исходя из специфики судопроизводства, придаются исключительные черты, — например, доказательства и доказывание. В гражданском судопроизводстве большую роль играют устные показания сторон и свидетелей, а в арбитражном их роль сведена практически к нулю и заменена важностью письменных доказательств. В-третьих, практика, по-разному складывающаяся для каждого судопроизводства и опирающаяся на свои отдельные процессуальные нормы, может вступить в конфликт с нормами новыми⁹.

На мой взгляд, введение приказного производства, упрощенного производства значительно упрощает работу суда, а также

позволяет экономить время, в частности давая возможность не проводить судебные заседания, не составлять протоколы судебных заседаний и т.п.

Кроме того, считаю целесообразным введение не реализованной до настоящего времени Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в части создания указанного кодекса, поскольку, по моему мнению, в ГПК РФ, КАС РФ, АПК РФ существует значительное количество норм, сходных друг с другом, все три кодекса опираются на одно материальное право. Существование этих кодексов зачастую не упрощает доступ к правосудию, а, наоборот, усложняет его, вводя лиц, которые нуждаются в судебной защите, в заблуждение относительно правильности обращения к тому либо иному виду производства.

Также отдельно хотелось бы отметить относительно новый институт судебного примирения, который возможен на любой стадии процесса, если иное не предусмотрено положениями кодексов.

На данный момент считаю его нецелесообразным, поскольку в настоящее время имеются правовые и организационные проблемы его использования, так как указанная процедура, на мой взгляд, урегулирована недостаточно: законодателем установлены сроки рассмотрения дел, однако на период судебного примирения не предусмотрено приостановления производства по гражданскому делу; не указано, каким образом и за чей счет стороны вызываются на встречу с судебным примирителем; каким образом происходит пользование залом судебных заседаний, учитывая, что указанная процедура производится вне судебного заседания; каким образом судебный примиритель фиксирует предложения, выдвинутые сторонами, учитывая, что ведение протокола судебного заседания при этом не предусмотрено.

Кроме того, учитывая, что судебные примирители в основном находятся в областных центрах, представляется не вполне понятной и целесообразной процедура встречи с ними сторонами, проживающими в отдаленных районах.

На мой взгляд, данный институт является сомнительным и не получит широкой востребованности.

Относительно привлечения лиц к административной ответственности считаю, что Кодекс об административных правонару-

⁹ Солопов Е.В. Перспективы и проблемы развития норм, регулирующих виды производств в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве в контексте Концепции единого Гражданского процессуального кодекса // Проблемы судопроизводства по делам, возникающим из гражданских и административных правонарушений : сб. ст. по мат. Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург : Петрополис, 2017. С. 236–246.

шениях Российской Федерации¹⁰ (далее — КоАП РФ) имеет большое количество недоработок и пробелов в нормах, которые требуют отдельного урегулирования.

Производство по делам об административных правонарушениях существенно различается с нормами, содержащимися в указанных выше процессуальных законах, кроме того, субъектами, его применяющими, являются не только судебные органы.

Спиридонов П.Е. отмечает, что, к сожалению, утрачено доверие к выносимым решениям должностными лицами юрисдикционных органов в лице органов исполнительной власти. Только возврат такого доверия и повышение уровня профессионализма должностных лиц органов исполнительной власти повлекут за собой снижение нагрузки в судах при рассмотрении не только дел об административных правонарушениях, но и других дел, вытекающих из публичных правоотношений¹¹.

¹⁰ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Спиридонов П.Е. Административное судопроизводство и его соотношение с иными видами

на мой взгляд, представляется не вполне логичным подход к лицам, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, кроме того, необходимо внесение конкретизации, например в ч. 2 ст. 23.1 КоАП РФ, в части того, в каком случае орган или должностное лицо, к которым поступило дело об административном правонарушении, передают его на рассмотрение судьбе.

Отсутствие четкого регулирования данного вопроса приводит к тому, что орган или должностное лицо, у которого в производстве находится указанное дело, беспричинно направляют его судьбе, а у судьи, в свою очередь, не имеется правовых оснований не принимать указанное дело к производству.

Но это лишь один из примеров.

На мой взгляд, КоАП РФ должен быть полностью реформирован, поскольку его несовершенство вызывает трудности на практике при возбуждении и рассмотрении дел об административных правонарушениях, однако этот вопрос требует отдельного изложения.

судебных производств // Журнал административного производства. 2019. № 2. С. 15–19.

Литература

1. Борзенко Ю.А. Арбитражное процессуальное право (Арбитражный процесс) : учебное пособие / Ю.А. Борзенко. Новокузнецк : ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2014. 156 с.
2. Маркин С.В. Приказное производство в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве: сходство и основные отличия / С.В. Маркин // Вопросы российского и международного права. 2016. № 5. С. 113–122.
3. Постовалова Е.В. Унификация упрощенных форм судопроизводства в гражданском процессе / Е.В. Постовалова, Е.С. Шумейко // Бизнес. Образование. Право. 2016. № 4 (37). С. 246–249.
4. Родин Е. Новый Кодекс административного судопроизводства. В чем отличия от ГПК и АПК РФ / Е. Родин // Арбитражная практика для юристов. 2016. № 3. С. 34–41.
5. Солопов Е.В. Перспективы и проблемы развития норм, регулирующих виды производств в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве в контексте Концепции единого Гражданского процессуального кодекса / Е.В. Солопов // Проблемы судопроизводства по делам, возникающим из гражданских и административных правонарушений : материалы Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 28 октября 2016 г.). В 2 томах. Т. 2 : сборник научных статей / редакторы Л.В. Войтович, В.И. Кайнов. Санкт-Петербург : Петрополис, 2017. С. 236–246.
6. Спиридонов П.Е. Административное судопроизводство и его соотношение с иными видами судебных производств / П.Е. Спиридонов // Журнал административного производства. 2019. № 2. С. 15–19.

Опалев Рим Олегович,
доцент кафедры гражданского
и административного судопроизводства
Российского государственного
университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент
oralevrim@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-9-56-60

К вопросу о единстве и дифференциации процессуальной формы административного судопроизводства

Статья посвящена понятию административного дела и понятию процессуальной формы административного судопроизводства. Автор приводит сущностные черты административных дел, отличающие эти дела от гражданских. В статье также рассматриваются отдельные вопросы структуры Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Автор обосновывает позицию законодателя, согласно которой в указанный Кодекс не были включены дела особого производства. В статье также приводятся доводы в пользу идеи о сокращении предварительного судебного контроля в административном судопроизводстве Российской Федерации и упрощении процессуальной формы административного судопроизводства.

Ключевые слова: административное судопроизводство, административное дело, правосудие по административным делам, административный иск, судебный пересмотр административных актов.

Особенности публичных правоотношений, споры из которых являются предметом рассмотрения судов в порядке административного судопроизводства, известны давно.

Основное отличие этих правоотношений от правоотношений, выступающих предметом рассмотрения судов в гражданском процессе, заключается в том, что в них хотя бы одна из сторон всегда представляет охраняемые публичным правом публичные интересы. В подавляющем большинстве случаев этой стороной является административный (государственный) орган¹. При этом еще во второй половине XIX столетия органы самоуправления стали признаваться в доктрине органами публичными, государственными. Следовательно, стали возможны и административные споры с участием таких органов².

Вместе с тем органы церкви не сразу и не во всех государствах утратили свой публично-правовой статус³. Отсюда даже

в источниках права административного судопроизводства конца XX в. можно встретить упоминания о спорах с участием органов церкви. Так, в статье 8 Закона Финляндии об административном судопроизводстве 1996 г. специально оговаривалось, что положения об апелляции на решение Евангелистской лютеранской церкви и органа ее прихода или объединения приходов содержатся в Церковном законе, а положения об апелляции на решение Православной церкви и органа ее прихода — в Законе о Православной церкви Финляндии⁴.

Из предмета правового регулирования законодательства об административном судопроизводстве иногда, но не как правило, исключаются так называемые внутриорганизационные отношения (в частности, служебные правоотношения)⁵.

Таким образом, участники правоотношений, из которых возникают споры, рассматриваемые в порядке административного судопроизводства, являются

¹ Корфь С.А. Административная юстиция в России. Книга вторая. Очерк действующего законодательства. Книга третья. Очерк теории административной юстиции. СПб., 1910. С. 467, 469–470; European judicial systems. CEPEJ Evaluation Report. 2020 Evaluation cycle (2018 data). Council of Europe, September, 2020. P. 118. URL: <https://rm.coe.int/evaluation-report-part-1-english/16809fc058>

² Корфь С.А. Указ. соч. С. 469.

³ Там же.

⁴ Законодательство Финляндии об административном судопроизводстве и административных процедурах / пер. и вступ. слово Р.О. Опалева. М.: Статут, 2019. С. 58.

⁵ См. об этом, например: Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. Судебное административное право: учебн. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: Статут, 2017. С. 54–55; Законодательство Финляндии об административном судопроизводстве и административных процедурах. С. 57.

тивного судопроизводства, не равны ни по правовым, ни по фактическим возможностям. В связи с этим для справедливой судебной защиты интересов слабой стороны публично-правового отношения (гражданина, организации) необходима процессуальная форма рассмотрения и разрешения дел, в рамках которой обеспечивается своего рода опека суда над слабой стороной публично-правового спора — гражданином, организацией.

Справедливости ради стоит отметить, что указанное неравенство нередко встречается и в гражданском судопроизводстве (например, в экологических спорах между гражданином и корпорацией, спорах о защите прав несовершеннолетних). В связи с этим в теории гражданского судопроизводства давно существует проблематика обеспечения справедливой судебной защиты слабой стороны соответствующих споров⁶.

Вместе с тем, если неравенство участников гражданско-правовых споров рассматривается в теории как особая (исключительная) ситуация, то для публично-правовых споров — это общее правило (исключение составляют споры между органами власти, должностными лицами).

Более того, сильной стороной здесь чаще всего выступает представитель государства, которое и организует услуги по осуществлению правосудия. В связи с этим в данном случае возникают особые проблемы (аспекты) организации государством такого рассмотрения и разрешения споров с участием его собственных представителей, которое не оставляло бы у общества сомнений относительно объективности и справедливости принимаемых по спорам решений. Соответственно, именно в административном судопроизводстве наиболее остро встают вопросы обеспечения независимости судей, гласности судебного разбирательства и мотивированности решений. Именно этим аспектам правового регулирования в законодательстве об административном судопроизводстве должно уделяться особое внимание.

⁶ См. об этом: Опалев Р.О. Влияние принципа состязательности на толкование понятия беспристрастности судьи (постановка проблемы) // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 12. С. 41–43.

Указанные особенности выступают логической основой для объединения самых разных по своему содержанию дел понятием административного дела, которое нашло закрепление в статье 1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ, Кодекс)⁷, а также для конструирования процессуальной формы административного судопроизводства, предназначенной для рассмотрения таких дел.

Эта форма имеет как сугубо содержательные, так и структурные особенности.

Например, КАС РФ, в отличие от других процессуальных кодексов нашей страны (Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁸ (далее — ГПК РФ), Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁹ (далее — АПК РФ)), не предусматривает процедур, объединяемых в теории процессуального права понятием особого производства. Все предусмотренные данным Кодексом судебные производства, за исключением приказного, являются исковыми. Они возбуждаются путем предъявления в суд административного искового заявления, а стороны в них именуются административным истцом и административным ответчиком. Конечно, данное очевидное обстоятельство заслуживает внимания теоретиков и, несомненно, не могло остаться незамеченным в исследовательской литературе. Жаль лишь, на наш взгляд, что это обстоятельство, видимо, и по сей день остается не до конца понятым в доктрине и судебной практике.

Так, Н.А. Бурашникова предлагает внести в КАС РФ масштабные изменения и дополнения в целях формирования так называемого особого административного производства. При этом автор выделяет ряд признаков такого производства, которые якобы отличают его от административного искового производства.

⁷ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

Первым из них, по мнению автора, является отсутствие спора о праве материальном в качестве обязательного критерия, выступающего основанием для возбуждения производства по делу в суде¹⁰.

Указанное утверждение вызывает удивление, ведь ни по одному из отечественных процессуальных кодексов спор о праве никогда не выступал и не выступает основанием для возбуждения искового производства. Для решения вопроса о возбуждении искового производства юридическое значение имеет лишь предположение о наличии спора о праве. Такое предположение должно возникать применительно ко всем делам административного судопроизводства. В связи с этим все предусмотренные КАС РФ виды производств возбуждаются путем предъявления в суд административного искового заявления, а стороны в них именуется административными истцами и административными ответчиками.

С учетом важнейшей особенности административного судопроизводства, состоящей в активной роли суда при рассмотрении любого административного дела, нет необходимости в использовании разных порядков рассмотрения административных дел в зависимости от того, установлено ли в ходе производства по делу наличие спора о праве либо не установлено. Соответственно, не возникает необходимости перехода из одного порядка рассмотрения дела в другой (из особого производства, в рамках которого суду по гражданскому делу принадлежит активная роль, в исковое производство). В этом заключается серьезное преимущество процессуальной формы административного судопроизводства перед гражданской и арбитражной процессуальными формами.

Вместе с тем отметим, что в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства в исковых производствах тоже рассматривались и рассматриваются многие категории дел, в которых спор о праве лишь презюмируется, но фактически, как правило, отсутствует. Яркими примерами здесь могут служить дела по гражданско-правовым обязательствам, в которых от-

ветчик только после предъявления к нему иска узнает об имеющихся материально-правовых требованиях и сразу же их признает (такие дела были весьма распространены до самого недавнего времени, т.е. до введения обязательного претензионного порядка по многим категориям гражданских правоотношений), дела о расторжении брака между супругами, имеющими общих несовершеннолетних детей, дела о признании права собственности на самовольную постройку.

Далее Н.А. Бурашникова указывает на отличие административных дел так называемого особого административного производства, заключающееся в необязательности состояния сторон по делу в каком-либо материальном правоотношении и наличия у них взаимных прав и обязанностей до принятия судебного решения¹¹; на то, что органы, наделенные публичными полномочиями, обращаются в суд не за защитой своих нарушенных или оспоренных прав, в силу чего они не могут признаваться «заинтересованными лицами»¹²; а также на то, что административный ответчик по делам о судебном контроле не вполне соответствует понятию ответчика в гражданском процессе (он зачастую не нарушает ничьих прав и не создает угрозу их нарушения)¹³.

С самым последним утверждением автора нужно согласиться. Понятие административного ответчика в административном судопроизводстве не соответствует понятию ответчика в гражданском судопроизводстве, однако это не удивительно, ведь статус административного ответчика регулируется КАС РФ, а не ГПК РФ. Конечно, эти статусы, как и статусы административного истца и истца, имеют существенные отличия. Очень хорошо, что на такие отличия наконец начинают обращать серьезное внимание в исследовательской литературе (ранее авторы, к сожалению, нередко просто констатировали читателям, что между гражданским и административным судопроизводствами существенных отличий не имеется).

Вместе с тем сложно признать конструктивным подход, согласно которому

¹⁰ Бурашникова Н.А. Судебный контроль за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 92.

¹¹ Там же. С. 93.

¹² Там же. С. 88.

¹³ Там же. С. 89.

понятия одной отрасли права используются при толковании норм другой отрасли без их необходимого переосмысления. Очевидно, на наш взгляд, что теория административного судопроизводства должна оперировать иным по содержанию понятием сторон, нежели теория гражданского судопроизводства, тем более что различия соответствующих понятий вытекают из букв закона.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 38 КАС РФ под административным истцом понимается лицо, которое обратилось в суд в защиту своих прав, свобод, законных интересов, либо лицо, в интересах которого подано заявление прокурором, органом, осуществляющим публичные полномочия, должностным лицом или гражданином, либо прокурор, орган, осуществляющий публичные полномочия, или должностное лицо, обратившиеся в суд для реализации возложенных на них контрольных или иных публичных функций.

Если все же использовать понятийный аппарат теории гражданского процесса, то нужно говорить о том, что в законодательстве об административном судопроизводстве, в отличие от законодательства о гражданском судопроизводстве, понятием истца охватываются понятие истца в узком смысле этого слова и понятие процессуального истца. Вместе с тем вряд ли можно согласиться с тем, что последнего нельзя признать лицом, обладающим заинтересованностью. Как известно, в теории гражданского процесса давно разработано и используется понятие служебной (процессуальной) заинтересованности. Подобной заинтересованностью обладают в административном судопроизводстве «органы, наделенные публичными полномочиями, обращающиеся в суд не за защитой своих нарушенных или оспоренных прав».

Кстати говоря, обращения в суд таких лиц не являются редкостью и для исковых производств, регулируемых ГПК РФ и АПК РФ. Одним из ярких примеров выступают обращения в суд прокуроров с исками о признании недействительными сделок, совершенных органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, государствен-

ными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия Российской Федерации, доля участия субъектов Российской Федерации, доля участия муниципальных образований (ч. 1 ст. 52 АПК РФ).

Нет необходимости, на наш взгляд, подробно останавливаться на возражениях в отношении других выделяемых Н.А. Бурашниковой отличий административных дел так называемого особого административного производства, заключающихся в том, что целью обращения в суд является не защита права, а защита правового интереса, а также в том, что суд в данном случае выполняет превентивную роль¹⁴.

Полагаем, достаточно обратиться к ст. 2 ГПК РФ, п. 4 ст. 2 АПК РФ, в которых предупреждение правонарушений обозначено в качестве задачи судопроизводства. О защите в порядке гражданского искового судопроизводства законных интересов в теории гражданского процесса написаны отдельные монографические работы и многочисленные статьи.

С учетом изложенного видится необходимым переходить от проблематики все большей и большей дифференциации административного судопроизводства, которая далеко не всегда оправданна, к гораздо более значимой, на наш взгляд, проблеме разумного упрощения законодательства об административном судопроизводстве и оптимизации компетенции судов.

К слову сказать, КАС РФ является одним из наиболее детальных нормативных правовых актов в сфере административного судопроизводства. Объем нашего кодекса превосходит объемы многих аналогичных законов зарубежных государств в девять и более раз.

Примечательно, что и относительное число административных дел, ежегодно рассматриваемых российскими судами, как правило, в десять раз превышает соответствующее число дел, рассматриваемых зарубежными судебными системами. Например, согласно данным, представленным в Исследовании Европейской комиссии по эффективности правосудия № 26 «Европейские судебные системы.

¹⁴ Там же. С. 93.

Эффективность и качество правосудия», во всех государствах и субъектах, за исключением России, за исследуемый период поступило в суды не более одного административного дела на 100 жителей. Общее среднее количество административных дел в судах первой инстанции в государствах и субъектах, вошедших в статистический отчет в 2016 г., составило 0,5 (поступивших и разрешенных) дела на 100 жителей (срединное значение — 0,3 дела). В России же данный показатель самый высокий и равен 4,4 дела на 100 жителей¹⁵. Аналогичные цифры приведены в исследовании, проведенном Европейской комиссией по эффективности правосудия по данным 2018 г.¹⁶

Такие цифры связаны с тем, что в правовых системах континентальной Европы, как правило, отсутствуют процедуры предварительного судебного контроля, число которых Н.А. Бурашникова предлагает увеличить и урегулировать еще более детально. На наш взгляд, разумное сокращение числа таких процедур, упрощение их правового регулирования могут способствовать самому существенному снижению судебной нагрузки без ущерба, а, напротив, с пользой для обеспечения эффективной защиты прав и свобод граждан и организаций, что очень убедительно показано исследователем на примере дел

об установлении административного надзора¹⁷.

Так, сегодня суды без особых сложностей, руководствуясь преимущественно общими правилами административного судопроизводства, эффективно рассматривают многие самые разнообразные административные дела (например, дела об установлении для должника временно-го ограничения на выезд из Российской Федерации, дела о прекращении действия права на управление транспортным средством, дела о вскрытии не розданных почтовых отправлений), хотя предложения относительно включения в Кодекс отдельных глав, регулирующих производства по таким делам, периодически возникают. Не исключено, конечно, что в дальнейшем в законодательстве об административном судопроизводстве появятся специальные правила рассмотрения названных категорий дел. Вместе с тем настоятельной необходимости в этом, на наш взгляд, нет. Это обусловлено универсальностью процессуальной формы административного судопроизводства, общие правила которого могут эффективно применяться при рассмотрении самых разных по правовой природе и содержанию административных дел, поскольку такие дела не отличаются по своей сущности (основным особенностям, о которых было сказано выше).

¹⁵ URL: <https://rm.coe.int/rapport-avec-couv-18-09-2018-en/16808def9c>.

¹⁶ European judicial systems... P. 118.

¹⁷ Бурашникова Н.А. Указ. соч. С. 61–63.

Литература

1. Бурашникова Н.А. Судебный контроль за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность : диссертация кандидата юридических наук / Н.А. Бурашникова. Москва, 2020. 214 с.
2. Законодательство Финляндии об административном судопроизводстве и административных процедурах / перевод и вступительное слово Р.О. Опалева. Москва : Статут, 2019. 94 с.
3. Зеленцов А.Б. Судебное административное право : учебник для студентов вузов / А.Б. Зеленцов, О.А. Ястребов. Москва : Статут, 2017. 768 с.
4. Корфь С.А. Административная юстиция в России. В 3 книгах. Кн. 2. Очерк действующего законодательства. Кн. 3. Очерк теории административной юстиции / С.А. Корфь. Санкт-Петербург : Типография Тренке и Фюсно, 1910. 528 с.
5. Опалев Р.О. Влияние принципа состязательности на толкование понятия беспристрастности судьи (постановка проблемы) / Р.О. Опалев // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 12. С. 41–43.

Arbitrazh-Civil Procedure

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION EDITION. Registered in Federal service on supervision in sphere of media communications and protection of cultural heritage
PI No. FC77-29216 of August 23, 2007. Published since 1998. Published monthly

No. 9/2021

EDITOR IN CHIEF:

Jarkov V.V., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation

DEPUTY EDITOR IN CHIEF, REGIONAL EDITOR:

Dolganichev V.V., PhD (Law), associate professor

EDITORIAL BOARD:

Arifulin A.A., professor, Honored Lawyer of the RF;
Vitryanskij V.V., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Jilin G.A., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Isajchev V.I., Honored Lawyer of the RF;
Nosyreva E.I., LL.D., professor;
Osokina G.L., LL.D., professor;
Renov Eh.N., PhD (Law), professor;
Sakhnova T.V., LL.D., professor;
Tumanova L.V., LL.D., professor;
Scherstjuk V.M., LL.D., professor;
Yukov M.K., LL.D., professor

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding member
of the RAE, Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITOR IN CHIEF

OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N.,
Platonova O.F., Truncevskij Yu.V.

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Solovyeva D.V.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Founder: Jurist Publishing Group

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel. / fax: (495) 617-18-88 (multichannel)
E-mail: podpiska@lawinfo.ru
Tel.: (495) 953-91-08

ADDRESS PUBLISHERS / EDITORS:

Bldg. 7, 26 / 55, Kosmodamianskaya Emb.
Moscow, 115035.

E-mail for authors: avtor@lawinfo.ru

SUBSCRIPTION:

United catalogue. Russian press — 85473;
Russian post. Digital catalogue — П1715.
Subscription at www.lawinfo.ru

Passed for printing: 14.09.2021.

Issue was published: 23.09.2021.

ISSN 1812-383X

Printed at typography National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37

Size 170x252. Offset printing.

Printer's sheet 5,0. Conventional printed sheet 5,0.

General circulation 4000 copies. Free market price.

RELEVANT ISSUES OF SCIENCE AND PRACTICE

3 A.N. Petruneva. The Seat of Arbitration in the Mechanism of the Judicial Protection of Rights

6 N.A. Artebyakina. Parties to Civil Proceedings: A Brief Overview of Unresolved Issues

9 A.V. Yakhimovich. The Problem of the Substantiation of Procedural Estoppel in Civil Proceedings

14 I.R. Medvedev. Problems of the Judicial Practice on the Right to View

19 M.S. Pavlova. The Practice of the Application of Provisions on Challenging of Regulatory Acts by General Jurisdiction Courts

EVIDENCE AND PROVING

24 D.V. Murzin. The Interpretation of Material Presumptions of Civil Law in the Distribution of the Burden of Proof in a Vindication Procedure

29 Yu.R. Sirazitdinova. Disclosure of Evidence in Administrative Proceedings

33 S.L. Degtyarev, A.V. Andreev. New Damage Proving Issues in the Conditions of Digitalization

ENFORCEMENT PROCEEDINGS

39 V.V. Yarkov. Harmonization in the Digital Enforcement: A New Project of the International Union of Court Bailiffs

INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

44 A.A. Romanov, A.A. Khan. Rehabilitation Procedures in Insolvency (Bankruptcy) in the Doctrine and Practice

CIVIL PROCEDURE OF FOREIGN COUNTRIES

48 E.P. Rusakova, Wang Wei. Civil Proceedings Involving Foreign Persons in China

ROUND TABLE

52 L.S. Demidova. Comparative Characteristics of Types of Proceedings in a Civil, Arbitral, Administrative Procedure and in Review of Administrative Offense Cases

56 R.O. Opalev. On the Unity and Differentiation of the Procedural Form of Administrative Proceedings

Recommended by the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publications of results of doctoral theses.

The Seat of Arbitration in the Mechanism of the Judicial Protection of Rights**Anna N. Petruneva**

Research Scientist of the Volga-Vyatka Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Broad understanding of procedural form allows establishing the necessity of holistic comprehension of the mechanism of judicial protection in the framework of implementation of an alternative form of legal protection (arbitration proceeding). The basis of arbitration proceeding lies in the activity of private administration of law, which is realized in the procedural form. The emphasis is laid on the implementation of the activity method to analyze the essence of arbitration proceeding that gives a chance to consider arbitration in the context of the mechanism of judicial remedy.

Keywords: mechanism of judicial remedy, form of protection, arbitration proceeding.**Parties to Civil Proceedings: A Brief Overview of Unresolved Issues****Natalya A. Artebyakina**

Associate Professor of the Department of Law, Psychology and Education of the Ulyanovsk State Agricultural University named after P.A. Stolypin

PhD (Law), Associate Professor

This article touches upon certain issues related to changes in the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation related to the institution of persons participating in the case, participants in civil proceedings by Federal Laws of July 29, 2018 No. 265-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" and dated November 28, 2018 No. 451-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation." Attention is focused on some problematic points that remain outside the legal field: there is no legally defined classification of participants in civil proceedings; to date, the content of the basic concepts of one of the key institutions of civil procedural law is not legally disclosed — the persons participating in the case; the composition of the persons involved in the case is not perfect; a new concept was introduced — a participant in a trial — without disclosing its content. Consistency and consistency are properties that remained unrealized during the "procedural revolution".

Keywords: persons involved in the case, participants in civil proceedings, participants in the process, litigant, "Procedural revolution".**The Problem of the Substantiation of Procedural Estoppel in Civil Proceedings****Anton V. Yakhimovich**

Applicant for the PhD Degree of the Department of Civil Procedure of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU)

The article deals with the problem of justifying the newly established judicial doctrine of procedural estoppel in the Russian civil procedure. It is suggested the application of the procedural estoppel doctrine has to be through the public policy interest. And litigants' procedural rights have to be used in cooperation with the court's effort to achieve this goal.

Keywords: estoppel, abuse of process, procedural justice, judicial discretion, overriding objective, public policy.**Problems of the Judicial Practice on the Right to View****Ivan R. Medvedev**

Associate Professor of the Vysokovsky Graduate School of Urbanism (Faculty of Urban and Regional Development) of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)

PhD (Law)

The article provides an analysis of the latest judicial practice in Russia and Great Britain regarding the "right to a view". Today this type of rights is not recognized by law.

However, a certain view from the windows can be described in detail in the contract and shall be protected. The right of the developer to correct unilaterally the documentation of the project is criticized, since it violates the "right to a view". The author points out the existence of the "negative" side of the "right to a view", when the owner of an apartment can himself become an object of observation from the outside. The author believes that the decrease in the "view" component of the value of real estate due to urban policies should also be compensated for, based on Article 16.1 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: right to a view, privacy, nuisance, compensation, real estate.**The Practice of the Application of Provisions on Challenging of Regulatory Acts by General Jurisdiction Courts****Margarita S. Pavlova**

Associate Professor of the Department of Judicial Proceedings and Criminal Law Systems of the Law Faculty of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)

PhD (Law)

In the article the author analyzes judicial practice of recent years connected with consideration and resolution of cases on challenging regulatory legal acts. There are considered such problems as the identity of court decisions and the limits of the powers of the courts in the process of checking the legality of regulatory legal act and the practice

of the courts' application of the rule on the applicant's refusal of his claim. Then the author studies court decisions that are illustrated different courts' approaches to determination of the moment from which regulatory legal acts are recognized as invalid and the position of the courts in sphere of challenging acts that have lost their legal force, canceled, and terminated their effect as well.

Keywords: judicial practice, cases on challenging normative legal acts, court decision, the identity of court decisions.

The Interpretation of Material Presumptions of Civil Law in the Distribution of the Burden of Proof in a Vindication Procedure

Dmitry V. Murzin

Associate Professor of the Department of Civil Law of the Ural State Law University

PhD (Law)

The article deals with the significance of the material (civil) presumption of ownership of the owner of the thing. The influence of this presumption, depending on the degree of its refutability, on the coexistence of petitorial and possessory protection is revealed. In Russia, the existence of an actual presumption of ownership by the owner of a movable thing allows the full use of vindication as a way to protect property rights and at the same time does not prevent the parallel existence of ownership protection. In the vindication (petitor) process, the presumption of ownership is transformed into the presumption of the plaintiff's lack of ownership, which is refuted by him when he proves his right. The defendant is assumed to be the illegal owner in case the plaintiff is considered to have proved his ownership. For the defendant-the acquirer of a thing from an unauthorized alienator, there is a presumption of bad faith. Refutation of the presumption of bad faith is carried out through the disclosure of the defendant's title.

Keywords: presumption, property rights, vindication claim, proprietorship defense, burden of proof, subjective good faith.

Disclosure of Evidence in Administrative Proceedings

Yulia R. Sirazitdinova

Lecturer of the Department of Civil and Administrative Proceedings of the Russian State University of Justice (RSUJ)

The article deals with the institution of disclosure of evidence as an element of evidence in cases arising from administrative and other public legal relations. The most optimal concept of disclosure of evidence is given, which refers to the activity of the subjects of evidence to timely familiarize all participants in the process with all documents to which they will refer as the basis of their arguments in the process of evidentiary activity in court. Analyzing the problems of disclosure of evidence, the author concludes that in order to properly and promptly consider and resolve administrative cases, a detailed legal definition of the procedure for disclosure of evidence is required

Keywords: evidence, written documents, disclosure of evidence, administrative proceedings, presentation of evidence.

New Damage Proving Issues in the Conditions of Digitalization

Sergey L. Degtyarev

Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University (USLU)

Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

LL.D.

Aleksandr V. Andreev

Head of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Police Colonel, PhD (Law)

The emergence of new digital rights in the legislation and existing judicial practice require a more thorough study of these concepts and the definition of effective mechanisms for their protection, the main of which is compensation for damages. Therefore, the article considers the issues of expanding the subject of proof in cases of compensation for damages in case of violation of the digital rights of subjects of civil legal relations.

Keywords: subject of proof, compensation for damages, digital rights, digital evidence.

Harmonization in the Digital Enforcement: A New Project of the International Union of Court Bailiffs

Vladimir V. Yarkov

Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

Member of the Scientific Advisory Board of the Federal Bailiff Service and the Scientific Board of the International Union of Court Bailiffs

Honored Scientist of the Russian Federation

LL.D., Professor

The article is devoted to the issues of harmonization of enforcement proceedings and the activities of a bailiff in the field of digital execution. The role of the International Union of Judicial Officers in the harmonization

of enforcement proceedings is shown. The author reveals the structure and main provisions of the draft World Code of Digital Enforcement, and also shows its significance for improving Russian enforcement proceedings.

Keywords: digitalization, enforcement proceedings, bailiff, the International Union of Judicial Officers, World Code of Digital Enforcement.

Rehabilitation Procedures in Insolvency (Bankruptcy) in the Doctrine and Practice

Andrey A. Romanov

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Law School of the Far Eastern Federal University

Managing Partner of Verno Consulting Group

Andrey A. Khan

Lawyer at Verno Consulting Group

The article is devoted to the study of the regulation of rehabilitation procedures provided for by special legislation in regard to resolving cases of insolvency (bankruptcy) of organizations and individuals. The study is based both on doctrinal approach and in a comparative legal aspect regarding the experience of Western European countries, the law of the United States and Great Britain.

Keywords: bankruptcy, insolvency, law, court, procedures, debtor, creditor, method, rehabilitation, individuals, business entities, theory, practice, common law, the USA, the Great Britain.

Civil Proceedings Involving Foreign Persons in China

Ekaterina P. Ruskova

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure and Private International Law of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR)

PhD (Law), Associate Professor

Wang Wei

Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure and Private International Law of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR)

With the deepening of globalization, there are more and more non-governmental exchanges between countries, and all kinds of foreign-related civil disputes are inevitable. China is one of the participants of many international associations in various areas of cooperation. The judicial form of protection of rights is universal, guaranteed not only to the citizens of this country, but also to any person located on the territory of China, so it is very important to ensure that such persons can exercise their rights. This article considers the civil procedural legislation of the China, legal status of foreigners, jurisdiction of Chinese courts, and examines the recognition and enforcement of foreign judgments in China.

Keywords: civil proceedings, Participation of foreigners, Jurisdiction of courts, Civil Procedure Law, People's Republic of China.

Comparative Characteristics of Types of Proceedings in a Civil, Arbitral, Administrative Procedure and in Review of Administrative Offense Cases

Larisa S. Demidova

Postgraduate Student of the Chelyabinsk State University

This article presents a brief comparative description of the types of proceedings contained in the procedural codes of the Russian Federation, in particular, such as simplified proceedings, writ proceedings, as well as the opinions of various authors on this topic. Some problems that arise in practice in this area are also shown.

Keywords: simplified proceedings, writ proceedings, judicial reconciliation, types of legal proceedings.

On the Unity and Differentiation of the Procedural Form of Administrative Proceedings

Rim O. Opalev

Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings of the Russian State University of Justice

PhD (Law), Associate Professor

The article is devoted to the concept of an administrative case and the concept of a procedural form of administrative judicial proceedings. The author gives the essential features of administrative cases that distinguish these cases from civil cases. The article also discusses certain issues of the structure of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation. The author substantiates the position of the legislator, according to which cases of special (non-contentious) proceedings were not included in the said Code. The article also provides arguments in favor of the idea of reducing provisional judicial control in the administrative judicial proceedings of the Russian Federation and simplifying the procedural form of administrative judicial proceedings.

Keywords: administrative justice, administrative matter, justice on administrative cases, administrative suit, judicial review of administrative acts.